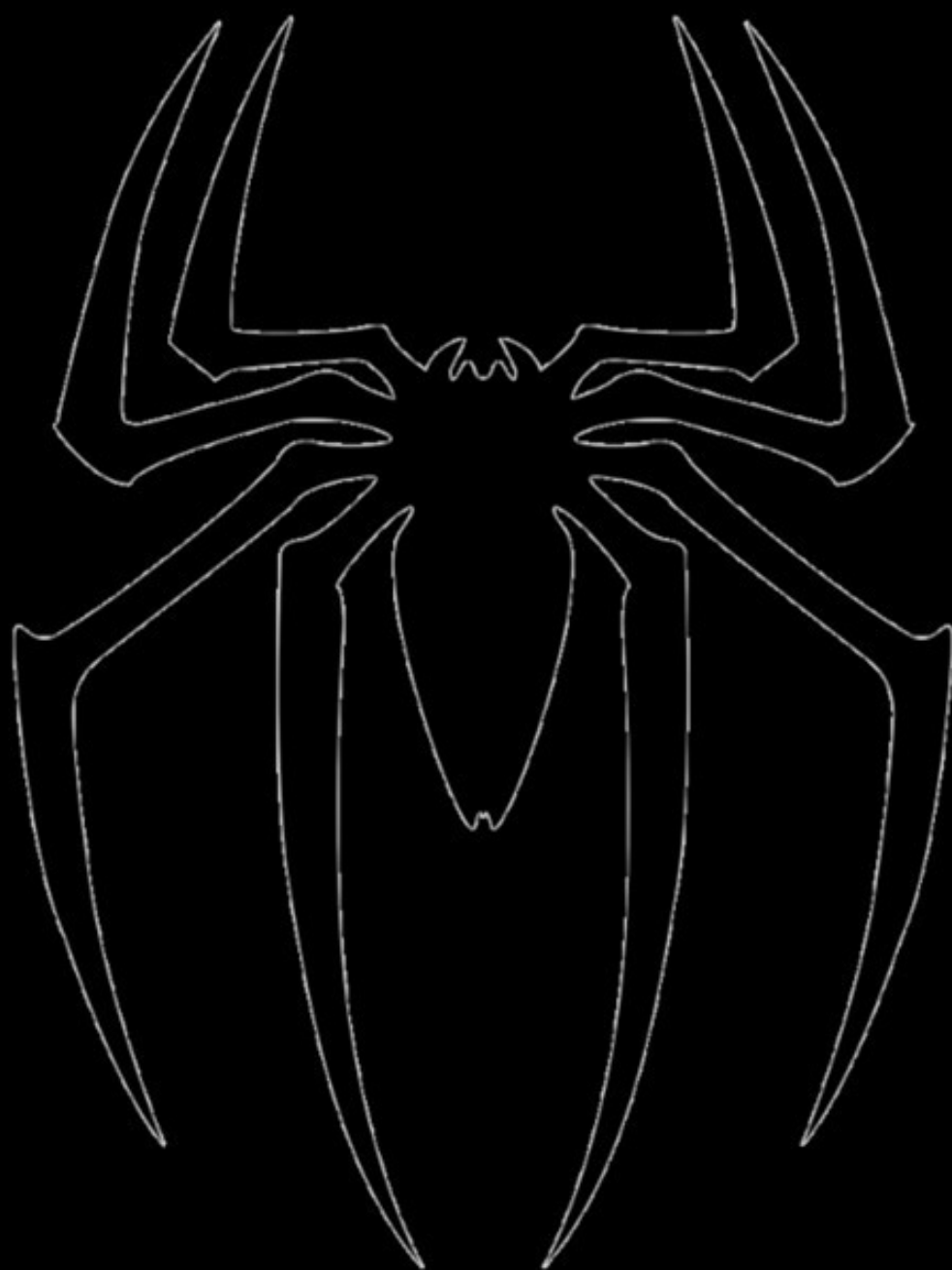

Я. Д'Гус

БЕГЛЕЦ

Я. Д'Гус

Беглец

«Издательские решения»

Д'Гус Я.

Беглец / Я. Д'Гус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839007-4

Первая книга из серии о, пока еще, мальчишке, от которого желает избавиться половина мира. Кем он окажется в конце пути? Всегда ли Свет — это хорошо, а Тьма — это плохо? По крайней мере Тьма всегда честна с тобой, хотя может многое и не договаривать... Она, как никто другой, способна на самопожертвование без раздумий во имя великой цели.

ISBN 978-5-44-839007-4

© Д'Гус Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Убежище	8
Глава 2. Объяснение	13
Глава 3. Бегство	20
Глава 4. Схватка в лесу	25
Глава 5. Отголоски прошлого	31
Глава 6. Лагерь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Беглец

Я. Д'Гус

© Я. Д'Гус, 2017

ISBN 978-5-4483-9007-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Бескрайняя пустыня... Зной... Раскаленный ветер... Ничтожная песчинка, едва различимая с высоты птичьего полёта, словно замерла на бескрайних просторах песка, рисуя очертания слегка сгорбленного силуэта человека. При приближении угадывалось едва различимое движение...

Одетый в, выжженный палящим солнцем, местами потрепанный, грязно-зелёный балахон, подпоясанный верёвкой, с сумкой из мешковины через плечо путник уверенно передвигался к одному ему известной цели. Раструбы кожаных башмаков забились песком. Песок был везде – и в капюшоне балахона, и в рукавах, и на полях одного цвета с балахоном шляпы, оканчивающейся сложенным конусом. Он был далеко не молод. Седую его бороду, забитую песком, трепали порывы ветра. Бледное лицо, высушенное зноем, покрывали глубокие морщины. Песчинки, казалось, уже являются частью пергаментной кожи. Живыми на лице казались только серые уставшие глаза, которые путник изредка прикрывал, протирая от вездесущего песка, кистью правой руки. Правую его щеку, начинаясь от внешнего края глаза и заканчиваясь где-то внизу под бородой, пересекал ветвистый рваный шрам, заходивший в складки уголка рта, скрываемого седыми усами. Словно багровая молния пересекала белое полотно. Станный, в человеческий рост, посох, пристегнутый со стороны спины к балахону двумя кожаными ремнями, раскачивался в такт шагам. Путник остановился, достал из складок балахона флягу, поднес ее к потрескавшимся губам, влил в себя несколько капель влаги. Затем снова убрал сосуд на прежнее место, развернул карту, извлеченную из наплечной сумки, внимательно рассмотрел ее. Приложив старческую руку к седым бровям, заслоняясь от солнца и песка, он осмотрел окрестности, как будто старался проникнуть взглядом за горизонт. Затем, снова сложив, убрал карту на место и, устало улыбнувшись, продолжил свой путь. Ветер постепенно стихал, заматая следы на песке, солнце клонилось к горизонту. Впереди сквозь песчаную пургу, очень далеко, блёкло проявлялся темный силуэт огромной горы, на фоне которого путник казался еще более ничтожным.

Нескончаемая вереница дорог и вот она – долгожданная цель. Путник остановился у подножия исполинских размеров горы и с облегчением выдохнул. Высоко стоящее палящее солнце скрылось за край громадины, подарив долгожданную тень. Человек поднял лицо вверх, развёл руки, раскачиваясь медленно из стороны в сторону, словно под мотив древней песни. С его обветренных губ сначала едва различимо, а затем всё громче и громче начали слетать слова. Ветер усиливался, превращаясь в вихрь, эпицентром которого являлся путник. Монотонное чтение заклинания не прерывалось. Слова начинали заглушать звуки ветра, словно отскакивали от каменной громады, при этом многократно усиливаясь, наслаивались друг на друга. Складывалось ощущение, что вихрь ловил отражённый звук, вновь и вновь возвращая его путнику и уже от него – неприступной породе. В какой-то момент слова, казалось, начинают проникать в камень вместе с направляющими их порывами ветра. Песок, увлекаемый вихрем, просачивался в толщу камня, словно вода, обтекая огромные валуны. Он забивался в щели между мелкими камнями, сначала робко, затем все настойчивее, превращаясь с течением времени в бурные потоки. Они разделяли камни на отдельные фрагменты, вне зависимости от размера, и удерживали их в воздухе, постепенно формируя песчаный арочный свод, в проеме которого песок расступался в стороны, создавая возможность для прохода. Путник продолжал читать заклинание, не меняя положение тела. В какой-то момент оно, словно увлекаемое созданным вихрем, начало перемещаться по направлению к темнеющему проёму в горе. Показавшееся с другой стороны вершины солнце на мгновение осветило фигуру человека, читавшего заклинание, которая отбросила на песок сразу две тени. «Неправильная» тень задержалась на короткий момент времени, и моментально переместилась, слившись со второй, полностью повто-

рив её силуэт. Путник полностью погрузился в проем. Камень, расступившийся изначально, сомкнулся за спиной вошедшего в том же правильном порядке, каким он был до его появления, выпуская из-под сложенных на место обломков струившийся песок.

Ветер стихал, роняя песчинки и уничтожая остатки следов путника на песке. Над безмолвной пустыней сияло раскаленное солнце...

Глава 1. Убежище

Янис открыл глаза. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь листву деревьев и соломенную крышу хижины, то исчезал, то появлялся вновь, как будто играя с ним. Он невольно прищурился и прикрыл глаза правой ладонью. Янис – молодой человек лет семнадцати – восемнадцати, высокого роста и с развитым не по годам телом, вскочив на ноги, улыбнулся солнцу, встряхнул головой. Его волосы белого цвета, едва доходившие до плеч, были слегка растрёпаны. Смуглая загорелая кожа сильно контрастировала с волосами, бровями и глазами, бывшими одного цвета. Белая радужная оболочка глаз, окружавшая зрачок, пугала и завораживала одновременно. Губы, немного светлее цвета кожи, сливались в тонкую линию. На худощавом лице слегка выступали скулы. Юноша был одет в штаны и рубаху светло-серого цвета, сшитые из материала, подобного мешковине и приятного телу, подчеркивающие его не по годам мускулистую фигуру. Янис крадучись подошел к дверному проёму и выглянул на улицу, за что тотчас же поплатился – поток воды окатил его с головы до ног. Сразу после этого раздался звонкий детский смех, топот босых ног и звук скрипа ручки ведра, удаляющиеся от хижины.

– Умыла! Умыла!

– Эльза, вот я доберусь до тебя, озорная девчонка! – рассмеявшись, закричал Янис, и побежал на звук шагов вниз по тропинке. В ответ опять раздался звонкий смех.

Хижина с соломенной крышей, стены которой были свиты из веток произраставших рядом деревьев, находилась в живописном месте посреди девственного леса, на возвышенности, недалеко от начинающейся горной гряды. На подоконнике единственного окна без створок в виде грубо изготовленной доски с трещинами от времени располагался прозрачный кувшин с водой, в который был бережно поставлен букет лесных цветов, источающих чудесный аромат свежести. Убранство было небогатым: четыре, свитых из тех же, что и хижина, веток невысоких топчанов, покрытых соломой, с одного из которых соскочил Янис. Посредине комнаты стоял импровизированный невысокий стол, представлявший собой камень с практически плоской верхней гранью (скорее всего, хижина изначально строилась на месте его расположения, так как на вид он казался неподъёмным). Причем расположен он был таким образом, что можно было принимать пищу, сев на любой топчан. Глиняная посуда, изготовленная, по всей видимости, самими проживающими, а также деревянные ложки были аккуратно сложены на столе. Сразу было видно, что обитатели жилища живут охотой: на стенах по всему периметру на своеобразных креплениях размещались различных размеров капканы, ножи, лук и стрелы, несколько креплений пустовали. Справа от входа, к противоположной от окна стене, снаружи, были прислонены орудия лова рыбы. Чуть дальше, прикрепленная к стене, висела аккуратно сложенная, узловатая рыболовная сеть ручной работы. Три деревянных ведра у входа, опоясанные железными полосами на заклёпках, кострище с тлеющими угольками, от которых поднимался едва уловимый дымок, с подвешенным на двух рогатинах и палке котелком и топор, воткнутый в кряж для колки дров, завершали картину быта. Что же касается окрестностей, то ниже, метрах в ста пятидесяти, протекала, начинающаяся где—то в горах, кристально чистая река, уносящая свои голубые прозрачные воды в живописную долину, так же покрытую лесом. Очень далеко, в конце долины, которую только возможно было охватить взглядом, угадывался силуэт кроны огромного дерева, сильно возвышавшийся над остальным лесом, превосходя его размером втрое, а то и вчетверо. От хижины к реке вела извилистая тропинка, огороженная по бокам плетёным из веток заборчиком, доходящим до колен, достаточно широкая, чтобы по ней можно было свободно пройти втроем. Трава была аккуратно пострижена как у самой хижины, так и на протяжении всего пути от хижины до реки за заборчиком. Видно, что по этой тропинке часто ходили, так как трава на ней практически не росла, оголяя примятую землю, изрезанную выступающими корнями вековых деревьев. А у самой

реки, на тропинке, ведущей на небольшой пляж, уже появлялся песок. Справа и слева от тропинки, выходящей к реке, располагались небольшие пологие обрывы, метров по пять в высоту, обозначающие размер реки при максимальном её разливе, при котором пляж оказывался полностью скрыт водой.

К реке выбежала девушка лет пятнадцати—шестнадцати с ведёрком в руке, бросила его на пляж и, не останавливаясь, забежала в реку по пояс, поднимая босыми ногами столпы брызг. Она развернулась к тропинке, ведущей к дому, и с улыбкой ждала появления преследователя. Эльза была совершенно не похожа на Яниса: чёрные брови и чёрные, отдающие в синеву, густые длинные волосы, доходившие девочке до пояса. Тёмно—зелёного цвета большие глаза озорно смотрели на мир, слегка припухлые губы, светлая с оттенком загара кожа. Только материал её платья, отдалённо представлявшего собой сарафан, был таким же, что и у одежды брата. Девушка была прекрасно сложена, любому, увидевшему её, юноше она, несомненно бы, понравилась. Янис не заставил себя долго ждать. Появившись на берегу, он, не останавливаясь, побежал к Эльзе, не обращая внимания на брызги, которые та тотчас же начала поднимать обеими руками при его приближении. Он схватил её, и они вместе, залиvisto смеясь, упали в воду, окунувшись с головой. Порезвившись в воде еще немного, дети вышли на берег. Янис снял рубаху, выжал из неё воду на песок, затем перекинул через плечо.

– Опять тебе не спится, давно проснулась?

– Не все такие сони, как ты, родители уже скоро вернутся, а у нас ничего не сделано! – с капризными нотками в голосе ответила Эльза.

– Не переживай, все успеем. Здесь дел то на час максимум, принеси ещё воды, я пока наколю дров и разведу огонь. Сегодня приготовим рыбу, которую я вчера вечером выловил.

Янис зачерпнул в ведро воды из реки, достал из прибрежной травы кулан с тремя крупными рыбинами и направился к хижине. Эльза послушно побежала за ним, по пути, склоняя голову набок, она выжимала потоки воды из густых волос.

Где—то в глубине леса на небольшой поляне среди деревьев остановился грязно-серый кабан с огромными клыками, по которым обильно стекала слюна. Он водил головой из стороны в сторону, жадно втягивая в ноздри воздух. Часто дышал, если бы его увидел кто—нибудь не особо храбрый, то приписал бы ему вырывающийся из ноздрей дым. Было заметно, что зверь что—то учуял, и теперь определял направление, с которого пришел этот запах. Животное ещё несколько раз втянуло в себя воздух, и грозно заурчало. Справа от него послышался хруст веток и шелест раздвигаемой травы, но он не обращал внимания на эти звуки, так как точно знал кто приближается. Трава раздвинулась и из-за деревьев показались две точно такие же свирепые клыкастые пасти. Соратники, урча, присоединились к третьему кабану, у которого на пасти отобразилось нечто, что у людей принято называть зловещей ухмылкой. Уже все вместе, всё более ускоряясь, они продолжили путь на, приносимый ветром, едва различимый запах.

На ветви, наклоненные над костром, были нанизаны три большие рыбины, Янис изредка переворачивал их то одним, то другим боком к огню. Рыбины потрескивали, выделяя сок и распространяя аппетитный аромат. Эльза, насупившись, сидела рядом на траве, подогнув под себя ноги.

– Не пойду я одна за водой, пойдем вместе! – капризничала она.

– Хорошо, только не капризничай, рыба почти готова, сейчас сниму её с огня и вместе сходим, – ответил Янис и улыбнулся сестре.

Эльза, добившись своего, немедленно побежала за ведрами у хижины. Янис, потыкав в одну из рыбин заострённой палочкой, утвердительно кивнул головой, снял завтрак с огня и отнес его в хижину. Положив рыбу на стол, он принял из рук сестры ведра и они вместе направились к реке. По дороге девушка припрыгивала почти на каждый шаг, срывала листики и веточки

с деревьев, нависающих над тропинкой, бросая их в брата. Тот не сердился на неё, сразу было видно, что он уже привык к озорному характеру сестры.

Дети спустились к реке, и Янис зачерпнул два ведра воды. Он взял их в руки и сделал шаг по направлению к хижине. В этот момент раздался громкий хруст ломающихся веток, с обрыва, расположенного справа от юноши, вылетел крупный кабан. Его глаза были налиты кровью, из пасти вырывалось тяжёлое смрадное дыхание. В процессе полёта в прыжке животное начало увеличиваться в размерах. Вместо передних ног у него появлялись человеческие руки, в кистях которых были зажаты два боевых топора, изрисованных руническими символами, их он уже занёс для удара. Задние конечности преобразовывались в человеческие ноги, обутые в кожаные ботинки по щиколотку. Звериный оскал сменило обозлённое человеческое лицо. Из рта вырвался боевой клич. Тело окончательно преобразовалось в человеческое. Воин был одет в коричневый стеганный кожаный доспех, опоясанный ремнями спереди и сзади крест—накрест. Спину его прикрывала шкура вепря, шлем представлял собой оскалившуюся пасть кабана с огромными клыками, обагрёнными запекшейся кровью. Воин не достиг намеченной цели: в конце второй трети расстояния до Яниса его правую лопатку раздробил арбалетный болт, пронзивший сердце. Сила выпущенного заряда была такой, что отбросила тело в сторону от траектории его полёта, скинув в реку, после чего оно было сразу же унесено сильным течением. Всё случившееся произошло в считанные доли секунды, Янис и Эльза не успели даже испугаться, они подняли взгляды вверх. Рядом с деревом на вершине левого от детей обрыва стоял мужчина лет сорока, торопясь насколько это было возможно, он заряжал в арбалет новый болт. В этот момент с правого обрыва вылетело ещё два воина, абсолютно похожих в экипировке с поверженным. Девушка сразу же спряталась за Яниса и зажмурилась. Но и они не смогли причинить никому вред: с разницей буквально в доли секунды их тела были насквозь пронзены стрелами, выпущенными со стороны спины. Оба воина замертво рухнули у ног изумлённых детей. Янис только и успел выпустить из рук ведра, вода из которых растекалась по прибрежному песку. На правом обрыве показалась женщина с луком, готовым к бою. Увидев, что опасность миновала и мужчина контролирует ситуацию, она вложила стрелу в колчан, закинула лук за спину, и, не останавливаясь, сбежала по обрыву вниз к детям. По пути вырвала обеими руками стрелы из поверженных тел и вложила их в колчан за спиной. После чего сразу же обняла девушку, прятавшуюся за юношу и испуганно выглядывающую из—за его спины.

Что-то объединяло мужчину и женщину во внешнем виде. На первый взгляд они были примерно одного возраста. Сразу было заметно, что это – представители одной расы или народности. Тёмные волосы и бледная, без оттенка загара, кожа, одинаковый разрез глаз, форма скул и век. Женщина была красива: волосы, заплетённые в две косы, спадавшие на плечи и доходившие до ключиц, были аккуратно стянуты овальным ободком сверху, обнажая прекрасную лебединую шею. Тонкие брови такого же, как и волосы, тёмного цвета подчеркивали глаза – не большие и не маленькие, как говорится в таких случаях, – лучше не придумаешь. Карие, в данный момент слегка испуганные, но без страха во взгляде. Губы женщины были плотно сжаты, она ускоренно дышала, покрасневшись от предшествующего быстрого бега и произошедшей схватки. На верхней части лба, посередине от ободка вверх была отведена заострённая стрела небольшого размера, как бы выдавая класс воина. Сразу за ним, на манер головного убора располагалась верхняя часть головы чёрного медведя гризли, подходящая по размеру. Она переходила в тёмно-зелёный плащ, развевавшийся поверх приталенного кожаного доспеха тёмно-коричневого цвета. По—видимому, доспех с плащом были неплохи в качестве маскировочного средства в лесу. Поверх плаща на ремне располагался колчан со стрелами и изогнутый боевой лук, вставляемый в колчан, полностью повторявший его очертания. На широком, расписанном, по всей видимости, мастером, поясе в ножнах висел длинный охотничий нож, украшенный руническим рисунком. На ногах были надеты сапоги, достигающие до колен, с раструбами под цвет костюма. Запястье левой руки украшал металлический браслет с уме-

лой гравировкой головы медведя. Одевание мужчины полностью соответствовало описанному, за исключением ободка. В экипировке различия сводились к иному виду используемого оружия – арбалету, значок которого, пронзённый мечом, располагался под гравировкой головы медведя на браслете, отчеканенный на небольшом круге. Слева к поясу в ножнах был пристёгнут длинный, достигающий практически до подошвы сапога, обоюдоострый слегка изогнутый неширокий меч с рукояткой из кости животных. С другой стороны выглядывал эфес кинжала из такого же материала. Взгляд карих глаз мужчины был серьёзен из-за нахмуренных тёмных бровей. Он до сих пор чувствовал опасность, с настороженностью осматривался по сторонам, держа на изготовке взведённый арбалет, который перемещал по направлению своего взгляда. Волосы спадали на плечи чуть ниже ключиц, слегка прикрывая очертания мускулистой груди под доспехом. Мужчина был гладко выбрит.

– Эльза, Эльза, девочка! С тобой всё в порядке? – женщина, почти срываясь на крик, слегка трясла замершую девушку, вцепившись ей в плечи. – Скажи мне что-нибудь!

– Мама, мама! – закричала Эльза, словно вырванная из сна. – Что им нужно? Что мы им сделали? Кто они такие? Мне больно! – девушка попыталась освободиться, женщина убрала руки от её плеч и снова обняла.

– Прости, я очень сильно за тебя испугалась. С тобой всё в порядке?

– Да, мама, пойдём поскорее домой! – она взяла женщину за руку и потянула её за собой по направлению к тропинке, словно только в хижине девушка чувствовала себя полностью защищенной.

Янис вышел из ступора. Забыв про вёдра, он побежал к мужчине на обрыве. Ловко огибая препятствия и перепрыгивая небольшие кусты, юноша быстро очутился возле него.

– Отец, что происходит? Кто эти люди?

– Иди в дом, я скоро буду, поговорим там! – ответил мужчина, всё ещё держа арбалет на изготовке.

Янис послушно побежал к хижине вслед за женщиной и девушкой, понимая, что отец позволяет им беспрепятственно и безопасно покинуть поле боя. Простояв ещё какое-то время, полностью убедившись в отсутствии опасности, мужчина осторожно спустился вниз по обрыву. Он подошёл к телам погибших воинов и внимательно осмотрел их. Воины действительно были мертвы. Мужчина извлёк из ножен кинжал, срезал с доспехов воинов их отличительные знаки, которые убрал в один из многочисленных карманов кожаного доспеха. Затем ногой спихнул тела в воду и дождался пока течением реки их унесет подальше от места гибели. Сбросил, пропитанный кровью, песок вслед за телами, разровнял получившееся при этом углубление, после чего развернулся и направился вверх по тропинке.

В хижине на топчане сидела женщина и обнимала, прижавшуюся к ней, плачущую девушку. Янис встревоженно расхаживал от одной стены хижины к другой. Лицо его было серьёзно и сосредоточено, он о чем—то напряженно раздумывал, дожидаясь отца. Рыба на столе уже остыла, но и прикасаться к ней никто, кажется, так и не собирался. Когда мужчина вошел внутрь, Янис вопросительно посмотрел на него, тот отрицательно покачал головой, посмотрел на женщину и сказал:

– Лидия, я думаю, что стоит рассказать детям всё, мы не в состоянии более скрывать правду, – заметив недоумевающий вопросительный взгляд женщины, он добавил: – Это я поручаю тебе, мне нужно осмотреть окрестности. Я не уверен, что на этом всё закончилось.

– Глен, может не нужно? Может быть, это были просто разбойники? Мы долго за ними наблюдали, пока они не отправились в этом направлении, судя по всему они искали где пожить золотом. . .

– Ты не хуже меня знаешь, что где сегодня были разбойники, там завтра жди шпионов Марвела. И потом, эти разбойники за небольшую плату могут делать всё: не только убивать, но и выполнять задания любого, кто заплатит требуемую ими цену! А это значит – нам нужно

быть осторожными вдвойне! Да и что у нас брать? Сразу видно, что здесь нечем поживиться! – мужчина недоумённо развел руками, указывая на обстановку в хижине, и задумчиво посмотрел в сторону реки на равнину. – А если их начнут разыскивать? Споры тут ни к чему не приведут, сделай, пожалуйста, как я тебе сказал!

– Хорошо, ступай, я всё сделаю, – после того, как мужчина недоверчиво взглянул на женщину, она добавила: – Я обещаю!

После этих слов Глен, запахнув плащ, моментально удалился. Янис вопросительно смотрел на мать, та знаком указала ему на топчан, юноша послушно присел. Девушка перестала плакать, вытерла с лица слёзы, и тоже с интересом смотрела на мать. Лидия, вздохнув, и ласково поглаживая её по голове, начала свой рассказ.

Глен быстро перемещался по лесу, каждый раз увеличивая радиус кругов вокруг хижины. Он был слишком ловок для своего возраста. Было заметно, что выполняемые им движения ничуть его не утомляют. Они были идеально выверенными, происходили с завораживающей механической точностью, словно гимнаст показывал для восторженной публики чудеса акробатики. Помимо того, в нем угадывалась какая—то скрытая нечеловеческая сила: он с лёгкостью перепрыгивал высокие преграды, практически не отталкиваясь от земли, без особых усилий подтягивался на одной руке, ухватившись за ветку дерева, прислоня ладонь второй руки к глазам, заслоняя их, чтобы высоко стоящее солнце не мешало всматриваться вдаль. Он заглядывал везде, куда только было можно, отыскивая какой-либо подозрительный след. Осматривал каждую щель в корнях деревьев. Прислушивался, втягивал в себя запахи леса, приносимые меняющимся ветром. Мужчина весь обратился в зрение и слух, полностью преобразился, словно звериные инстинкты брали верх над человеческой сущностью. Через некоторое время от вида человека не осталось и следа – вдаль с косогора всматривался чёрный, мощный и грозный медведь гризли. Животное испустило ужасный рёв, эхом отозвавшийся вдали. Такой, что на несколько секунд затихли все лесные звуки, и воцарилась, таящая опасность, тишина.

Глава 2. Объяснение

Женщина с неподдельной грустью и сожалением рассказывала о давно забытых временах, когда у людей не было мыслей убивать друг друга. Сначала что-то мешало ей начать рассказ, она сбивалась, но снова находила в себе силы продолжать. Словно нарушалась данная когда-то кому-то клятва...

Мир лесной равнины был заключён в горное кольцо с начала времен, за которое не смог пробраться ещё ни один живой. Скалистые уступы по краям равнины настолько отвесны и опасны, что ни у кого, за все время существования мира, не появлялось мысли преодолеть их. Здесь царило вечное лето.

В далёкие-далёкие времена, населяющие этот мир народ природы и призрачный народ, находились под покровительством великих магов: мага природы Раскрида и призрачного мага Электора (впоследствии негласно было принято разделение на народ Раскрида и народ Электора, видимо потому, что так было удобнее всем). В мире соблюдался баланс сил, никто не помышлял его нарушать. Люди разных народов вели торговлю мехами, предметами обихода и продуктами питания, просто их мировоззрение было разным. Жизнь находилась в мире и гармонии с тенью. Маги поделили этот мир на две равные половины, управляя каждый своим народом. Спорные вопросы решались на совете старейшин у древа жизни и подлежали неоспоримому исполнению. Совет представлял собой равное количество старейшин – по три от каждого народа, верховенство над советом поочередно имели маги. Все решения принимались с позиции справедливости, лишь однажды магу пришлось вмешаться в спор старейшин и разрешить его. Именно маг природы Раскрид наделил народ долины умением превращения в существ дикой природы, – в какое именно животное мог обращаться каждый, – узнавали при совершении ритуала в подземном зале в корнях древа жизни. Создателем древа и самой жизни на равнине по праву считается он же. У Электора же собирались люди, близкие ему по духовному миру – призрачному иллюзорному миру теней. Между магами существовал какой-то, ведомый только им одним, договор. Они никогда не вступали в противостояние, предпочитая решать споры мирно и идти на компромисс.

Раскрид представлял собой старика с длинной седой бородой и волосами в тёмно-зелёном балахоне, загорелым лицом с рваным шрамом на правой щеке, слегка прикрываемом седыми усами, и пергаментной кожей. На голове он носил шляпу под цвет балахона с круглыми полями, оканчивающуюся сверху сложенным конусом. Взгляд серых, умудрённых жизненным опытом глаз, смотревших из-под густых седых бровей, казалось, проникал в самую душу. Вооружение мага составлял узловатый деревянный посох, завивавшийся сверху в полукруг, центр которого был инкрустирован зелёным камнем, скорее всего изумрудом. При произнесении заклинаний камень начинал источать свет.

Электор же, в отличие от него, выглядел сравнительно молодым мужчиной, на вид лет тридцати – тридцати пяти. Он был гладко выбрит, лицо было чистым, слегка бледным. Удивительным был цвет глаз, менявший свои оттенки в зависимости от освещения: от бледно-голубого при свете дня – до тёмно-синего в полной темноте. Если долго всматриваться в эти глаза, то можно было увидеть, полыхающие глубоко в них, языки синего пламени. Тело мага было постоянно скрыто чёрным плащом, а голова – капюшоном этого плаща. При ходьбе он опирался на гладко отполированный эбонитовый посох, обитый на концах с обеих сторон, примерно на треть, металлом жёлтого цвета, напоминающим золото. Верхнее окончание посоха, обращенный остриями вверх, завершал полумесяц такого же жёлтого цвета. Из-под плаща, при ходьбе, показывались острые носы кожаных башмаков чёрного цвета.

В самом центре равнины возвышается древо жизни – могучий исполин с раскидистой ветвистой кроной, вечнозелёное, высоко чтимое жителями долины. Под кроной древа не может использоваться оружие, происходить любое насилие, не допускаются громкие разговоры, так как древо считается местом возникновения жизни, считаемое всеми жителями святым. Огромные узловатые корни разрезают цветущую поляну под деревом. Сразу за переплетением корней проходит неглубокий ров с кристально чистой водой. Считается, что эта вода питает древо, обладая чудодейственными свойствами в излечении любых болезней. Далее, в радиусе пятидесяти метров от окончания рва не произрастает ничего, кроме целебных трав, исцеляющих практически любые раны. И только за этим кольцом могучими зарослями встают огромные деревья. Но даже самое высокое из них своей вершиной не достигает начала кроны древа жизни. Переплетение корней у основания древа с южной стороны формирует свод для прохода в подземный ритуальный зал с двумя алтарями, где обитают жрецы. Целебная вода появляется из недр земли в алтаре воды, представляющего собой правильную металлическую полусферу, находящуюся слева от входа в ритуальный зал в нише, образованной корнями древа. В нижней точке полусферы – неиссякающий источник—ключ. Вода, минуя корни древа, с алтаря стекает в ров. На краю полусферы стоит металлическая чаша, исписанная рунами. Именно на алтаре воды происходит ритуал посвящения жителей в день их совершеннолетия, или немного позднее. Освещение ритуального зала в светлое время суток осуществляется солнечными лучами, пробивающимися сквозь небольшие щели, находящиеся в основании древа и сформированные при разделении его корней. В тёмное время суток единственным источником освещения является алтарь огня, расположенный справа от входа в зал в нише из корней – его пламя вечно и природа поддержания его силы неизвестна никому из ныне живущих. На алтаре огня сжигаются, опавшие с древа, увядшие листья. Пол представляет собой переплетение корней древа, но он настолько ровный, что, предположительно, здесь не обошлось без магии. В центре помещения в круге из рунических символов, вырезанных непосредственно на полу, расположена каменная плита прямоугольной формы, за которой, у стены из корней, напротив входа обитают жрецы, проводящие ритуалы. Жрецы остаются неизменными с начала времен. Это старцы, зависшие во времени. Под кроной древа жизни течение времени меняется, его бег замедляется по мере приближения к каменной плите в центре зала, где время останавливается и не имеет влияния на присутствующих. Жрецы отказались от мира людей, посвятив свою жизнь служению. Их иссушенные временем бледные тела и лица, покрытые старческими морщинами, не выдают никаких эмоций. Брови седые, голову не покрывают волосы, они гладко выбриты. Все тело, где только можно увидеть, расписано синими руническими символами, в том числе и лицо, и череп. Знаки можно увидеть даже на веках, когда жрец закрывает глаза. Одежда жреца – облачение монаха – рубище белого цвета. Старцы носят тёмно-зелёный тряпичный пояс, на ногах отсутствует обувь. В руках жреца – узловатый деревянный посох с загнутым в кольцо верхним наконечником, на котором также хорошо различимы резные рунические символы. Всего их пятеро, один из них – верховный жрец. Посох верховного жреца дополняет шестиконечная, светящаяся тускло-зелёным таинственным светом, звезда в кольце в верхнем окончании посоха. В остальном он ничем не отличается от других. Эти старцы ничем не питаются за исключением воды с алтаря. Всё их имущество составляют пять простых деревянных чаш и пять плетёных циновок, на которых они, сидя и держа в руке каждый свой посох, проводят свободное от служения время, устремив взгляд на вход в святилище.

Существует поверье, что каждый лист древа жизни – это жизнь одного из обитателей народа Раскрида и рожденных среди народа Электора на этой огромной лесной равнине. Когда жизнь покидает обитателя, – его листок на древе жизни вянет и опадает. Жрецы древа жизни аккуратно собирают опавшие листья и сжигают их на алтаре огня в зале ритуала, тем самым провожая обитателей в призрачный мир при заключении договора с тенями, из которого их

призывают старейшины Электора. Или на небеса в чистилище – при отказе от договора – ожидать своей очереди для возвращения во вновь рожденные в этом мире тела.

Народ Электора имеет бледный цвет кожи и тёмные, различных оттенков, волосы в силу заключенного договора с тенями. К коже этого народа не пристаёт загар, их волосы не выцветают на солнце. Люди Электора могут общаться с тенями и призраками, использовать призрачное оружие, но обладают меньшей физической силой (взамен тени даровали им умение пользоваться призрачным оружием) по причине того, что расплачиваются ею за договор с тенью, или за жизнь после жизни. Они такие же теплокровные, им также ведомы чувства и дарована возможность воспроизведения потомства, но и они не живут вечно. Рано или поздно сила, дарованная тенями и забираемая ими же, сходит на нет, хотя этот процесс и растянут во времени, но всему приходит свой конец. Люди Электора, во второй раз покидающие этот мир, отправляются в глубину озера призраков и возвращаются оттуда только в виде какого—либо призрачного оружия – оружия с душой призрака. Но вырваться из озера призраков может только очень сильная душа, остальные погружаются в него навеки. Считается, что воплотиться в виде оружия лучше, чем терпеть вечные муки неприкаянной души в глубине озера. Душа призрака навсегда заточается в оружии, даруя ему дополнительную силу и мощь, тем самым помогает после смерти своим соплеменникам. При гибели возвращённых людей Электора – их души также сразу же погружались в озеро призраков. Исключение составляло только потомство, которое не принимало на себя договор с тенями сразу после рождения, не могло использовать призрачное оружие, но имело возможность заключить договор самостоятельно, в большинстве случаев это именно так и происходило. Души людей Электора, кто не заключал договор на протяжении всей жизни после рождения, после смерти отправлялись в небесное чистилище. В круговороте этого процесса, в какое время – точно неизвестно, среди народа Электора родилось убеждение (мы всегда свято верим в то, во что хотим верить), что однажды среди них появится воин, не связанный договором с тенями, но обладающий их силой, который сможет разорвать связь душ людей, заточённых в озере призраков, с тенями и вернуть их в чистилище. Заставит тени и призраков служить ему и его народу. За этого воина люди Электора без раздумий отдали бы свои жизни, они неустанно с великой надеждой ждали его появления, передавая, уже рождённую легенду из уст в уста. Электор же не опровергал, но и не подтверждал её, позволяя всему идти своим чередом, а возможно, он не хотел, чтобы Раскрид имел подтверждение этих слухов – истинные причины такого его поведения до сих пор неизвестны. Позднее народ Электора настолько уверовал в эту легенду, что возвёл её в ранг пророчества.

Народ Раскрида – светло- или золотоволосые люди с загорелой кожей. Они полны силы и энергии, прирождённые воины и охотники, постоянно состязющиеся друг с другом в силе и ловкости. Эти люди никогда не убивали существ дикой природы ради развлечения, а только по необходимости – в целях пропитания, исповедуют культ природы. Некоторые из них, равно как и люди Электора, заключали договор с тенями. Причины здесь могли быть разными: от желания продолжения жизни именно в этом теле, до внутренних причин, связанных с мировоззрением, а также при желании получить в пользование более мощное призрачное оружие. Это решение принималось ими самостоятельно, никто был не вправе убеждать их в обратном, так как жизненный путь каждого считался и считается неприкасаемым для кого бы то ни было. Каждый для себя решает сам кем быть, – так повелось с начала времен. В случае заключения договора происходило перерождение тела, оно принимало вид, характерный для людей Электора. После смерти или гибели души людей Раскрида отправляются в чистилище, где ожидают своей очереди для вселения во вновь рожденные тела обоих народов.

Продолжительность жизни людей равнины была велика – могла длиться от нескольких сотен лет до тысячелетий. Это становилось возможным, благодаря ритуалу, проводимому священной водой в зале под деревом жизни. В истории известны случаи, когда человек отказывался от ритуала, но тогда жил он недолго, порядка пятидесяти лет. Причем к сорока

годам его вид оставлял желать лучшего: сгорбленный старец, тело которого терзали различные болезни и недуги. Такие случаи были чрезвычайно редки. Полную силу человек, рожденный в долине, приобретал, как правило, по истечении восемнадцати-двадцати лет для юношей и шестнадцати-восемнадцати лет для девушек с момента рождения, считаемое временем совершеннолетия, в которое ему давалось право прохождения ритуала и даровалась возможность воспроизведения потомства. После прохождения ритуала старение организма моментально замедлялось, позволяя прожить очень долгую жизнь.

Продолжая рассказ о долине, следует упомянуть о двух реках, протекающих по ней. Реки брали своё начало где-то в горах: одна – западнее, вторая – восточнее древа жизни, неся свои кристально чистые воды по направлению к нему и обеспечивая живительной влагой оба народа. Не достигая древа, русла обеих рек плавно поворачивали на юг, где они сливались в единый поток и уносили свои воды далее к горной гряде. Объединенная река впадала в огромное глубоководное озеро, расположенное непосредственно у гор, образуя обширное устье. Противоположный устью реки берег озера образовывали отвесные скалы. Именно это озеро и было озером призраков. Для того чтобы призраки, заключенные в озере, не могли попадать в реку, Электором по всему периметру озера и над ним был установлен магический барьер, видимый только в сумерки – утром и вечером, когда его купол переливался всеми цветами радуги, отрывисто пульсируя.

У горной гряды на севере находилась, шириной приблизительно в десять метров, живая изгородь неизвестного происхождения, скрывающая часть скал и обвивающая их плющом. Её обнаружили совсем недавно, но, по всей видимости, она не существовала с начала времён. Изгородь была настолько плотной, что сквозь неё невозможно было рассмотреть камень, образующий горную гряду. Попытки проникнуть сквозь плющ или разрубить его на куски не увенчались успехом – на месте только что срубленных отростков сразу же возникали новые, моментально отрастающие побеги. Пытавшихся раздвинуть ветви плюща больно кололи, густо усыпанные его, остроконечные иглы, после чего эту затею сразу отбросили. Это породило множество слухов и кривотолков у обоих народов долины. Кто-то считал это творением Раскрида, кто-то – Электора, спрятавших за плющом нечто могущественное. Некоторые говорили о невиданном растении, которое скоро заполонит весь лес. Кто-то вообще не обращал на изгородь никакого внимания, считая её древней, ранее никем не обнаруженной. Но факт её существования оставался фактом, который никто не смел отрицать.

Порядок жизни, заведённый веками, изменился, когда мужчина народа Электора и женщина народа Раскрида полюбили друг друга. Некоторые поддерживали эту любовь, некоторые отвергали, но особо не вмешивались в происходящее. Ситуация усугубилась, когда эта пара воспроизвела потомство – мальчика, а спустя некоторое время – девочку, непохожих ни на одного представителя этого мира. Народ Раскрида, не приемлющий ничего, кроме дотоле известного, обратился за решением этой проблемы к совету древа. Совет длился более недели, но так и не пришел к единому мнению: старейшины народа Раскрида требовали умерщвления потомства, старейшины народа Электора были категорически с этим не согласны, признавая все формы жизни в долине, или, возможно, надеясь на исполнение пророчества. С обеих сторон древа жизни, за цветущей поляной, собрались воины двух народов: одни готовились защищать детей, другие – умертвить. Они ждали решения высокого совета и не расходились, как бы их об этом не просили жрецы. Нужно отдать должное народам – они не нарушали запрет, существующий под кроной древа, – переговариваясь шёпотом, не обнажали оружие.

Верховенствовавший в то время Раскрид не вмешивался в происходящее, но увидев, что совет старейшин не может прийти к единому мнению, он расспросил о сути спора. Основательно выслушав доводы сторон, он призвал Электора и они о чём-то очень долго совещались

в ритуальном зале, причём было видно, что маг природы предъявляет какие-то претензии призрачному магу, а тот соглашается с ними.

Решение, вынесенное в тот день, поразило всех. Маг Электор признавал обоснованность претензий людей Раскрида, но противился лишению жизни детей, невиновных в данной ситуации. Взамен их жизней он предлагал свою жизнь, маг природы не смог противиться решению призрачного мага и принял его выбор. Участь же родителей была изначально predetermined: их надлежало умертвить, так как эта ситуация грозила расколом между народами, нарушала обычный уклад жизни в мире, а также условия какого-то договора, по всей видимости, заключённого между магами ранее. Дети же подпадали под защиту Раскрида, никто не в праве был решать их судьбу, кроме их самих. Решение надлежало привести в исполнение утром следующего дня.

Глубоко в лесу, в одиноко стоящем бревенчатом доме, в колыбели спала новорожденная девочка, в кровати рядом лежал мальчик. Их родители стояли, обнявшись, у изголовья кровати. Они были разными, но было видно, что искренне любят друг друга. Электор посетил семью отступников и сообщил им решение совета. Мать детей опустилась на колени, поцеловала руку мага, тем самым отблагодарив его за спасение детей. Она тотчас же заключила договор с тенями, преобразившись в женщину призрачного народа, проникшись самопожертвованием мага для спасения её чад. Для этого нужно было только произнести: «Я, далее следовало имя, по доброй воле соглашаюсь принять дар мира теней». Маг предупредил, что её душа все равно сразу же погрузится в озеро призраков, женщину это не остановило, она смирилась с происходящим, радуясь, что её дети будут жить. Отец стоял молча, склонив голову, принимая приговор с достоинством. Он опустился на одно колено и также поцеловал руку мага. Электор вышел и призвал старейшин своего народа, те немедленно явились на его зов. Маг поручал детей их заботам, предупреждал, что они будут в безопасности только до тех пор, пока Раскрид находится в этом мире, призывал защитить детей любой ценой, затем вернулся в дом и остался в нём до рассвета. Когда солнце начало подниматься над верхушками деревьев, маг склонился поочерёдно сначала над колыбелью с младенцем, прошептав длинное, на древнем языке заклинание, затем над детской кроватью, повторив ритуал. При этом языки призрачного тёмно-голубого пламени, исходящие из его глаз, на короткий промежуток времени, как одеялом полностью окутали фигурки детей, превращаясь в своеобразный кокон, не причиняя им вреда, затем снова вернулись туда, откуда возникли.

Электор взял за руки родителей и вышел на улицу, где их уже ждал Раскрид.

Неизмеримо глубоко, на дне озера призраков, неподвижно застыли, держащиеся за руки, три фигуры, заключённые в глыбе льда. Время замерло для них, остановившись на века. Только пронесившиеся мимо души призрачного народа, заточённые в озере навечно, создавали хоть какое-то движение в этом скорбном месте, но и они не решались тревожить это творение.

Лидия выдохнула с облегчением, затем встала, опустилась перед детьми на колено левой ноги, прижав правую руку к области сердца. Её левая рука опиралась на пол, женщина в почтении склонила голову.

– Мой народ, также как и я, верит в пророчество, – спокойно произнесла она, не поднимая головы. – Прошу полностью распоряжаться моей жизнью по вашему усмотрению.

– Мама, что ты делаешь? – Эльза подбежала к Лидии и попыталась поднять ее с колен.

– Я очень хотела бы быть твоей матерью, моя девочка, и матерью Яниса, это было бы великой честью для меня и любой другой женщины моего народа, но, к сожалению, это не так. Я прошу простить меня за многовековой обман, который позволил нам с Гленом сохранить ваши жизни, – женщина обняла подбежавшую Эльзу.

– Многовековой обман? – удивился Янис. – Я не помню, что живу так долго! Как такое возможно?

– Электор открыл свою тайну старейшинам, он знал о пророчестве и решил защитить вас мощным заклятием, дарующим долгую жизнь и иллюзорную память, чтобы вы до нужного времени не подозревали кто вы есть на самом деле и кто ваши родители.

– Но зачем? Ведь по твоим словам мы находимся под защитой Раскрида! – недоумевал Янис.

– Раскрида нет уже более пяти веков. Мне кажется, что Электор замедлил ваше старение, чтобы вы не раскрылись Раскриду, который мог бы помешать исполнению пророчества. Его чары будут сняты, как только вы пройдёте ритуал в зале под деревом жизни. Мы до конца не знаем что ещё смог передать вам Электор, но он предвидел, что народ природы после смерти Раскрида захочет избавиться от вас.

– Так Раскрид умер? – поинтересовался Янис.

– Это доподлинно никому неизвестно. В один из дней он просто исчез – куда мы не знаем, возможно, об этом знают старейшины его народа или жрецы древа. Но ни те, ни другие никогда нам об этом не расскажут по вполне понятным причинам.

Марвел нервно ходил по каменному залу из угла в угол, его, развевавшийся от передвижений, красный плащ подчёркивал настроение хозяина. Мужчина не находил себе места, судя по всему, уже довольно продолжительное время. Недалеко, расположившись полукругом у входа в зал, стояли его приближённые. Было видно, то они побаиваются высокорослого загорелого, с вьющимися до плеч волосами цвета солнца, мужчину лет сорока, явно чем—то недовольного. Марвел, тело которого было заковано в, блестящий в лучах солнца, освещающего зал через оконные проёмы, латный стальной доспех, представлял собой огромного широкоплечего мужчину недюжинной силы. К спине воина был пристёгнут огромный, в форме видоизменённой перевёрнутой капли, треугольный щит с заострёнными краями и изображением осклизшейся пасти льва на красном фоне посередине. К поясу крепился широкий длинный меч, ножны которого были инкрустированы, по всей видимости, алмазами. Проявление вспышек его гнева изменяло зал: на полу в разном порядке появлялись разбросанная, с краёв частично помятая от ударов, металлическая посуда изумительной красоты чеканной работы, сметённая резким движением руки со стола. Останки разбитых массивных резных стульев, разбрасываемых по полу, с вмятинами в некоторых местах от мощных ударов, выдержанных древесиной, спинки некоторых стульев превращались в расслоенную щепу. Рваная дыра с осколками древесины в столе, столешница которого, не расколовшись, каким-то чудом перенесла удар огромной силы, завершала картину разрушения. Гнев заставил раскраснеться загорелое лицо мужчины, носившего небольшие, аккуратно постриженные, бороду и усы. Он обвёл присутствующих строгим взглядом тёмно—зелёных глаз из-под нахмуренных густых бровей.

Зал был огромен: правильной прямоугольной формы, около пятидесяти шагов его хозяина от правой до левой стены в ширину, семидесяти – в длину, и примерно десять метров в высоту. Первоначально вертикальные его стены сводились вверху в вытянутую сферу. Четыре оконных проёма, начинались от пола и заканчивались у начала сферы – в семи метрах от основания. Ширина каждого была около трёх метров. Проёмы были открытыми. В нишах между ними и по краям, начинаясь от края сферического потолка, свешивались вниз пять красных полотнищ с золотым изображением головы льва примерно посередине каждого. Из проёмов с высоты приблизительно в двадцать – двадцать пять метров открывался вид на, прилегающие к замку, поселения людей природы. Между вторым и третьим проёмом, отступая от края стены около двух метров, монолитом возвышался огромный каменный трон, высеченный из скальной породы. Он был искусно украшен скульптором, повторяя знаки рода Марвела. Подлокотники завершали головы льва, более крупная их копия была высечена на спинке трона. На остальных

стенах по периметру, между высеченных колонн, располагались различные виды вооружения: здесь были и скрещенные за щитом мечи, и алебарды, и копья, а также всевозможные экспонаты стрелкового оружия. У противоположной трону стены по центру помещения начиналась, ведущая вниз, широкая лестница, выходящая широким полукругом в тронный зал. У входа в зал она разделялась на две части и выводила входящих практически в его углы у стены напротив трона. Край проёма, отгораживающий лестницу от остального зала по всей длине, был обустроен перилами с мощными колоннами в виде фигур сидящих львов, также высеченных из скальной породы. Именно у этих перил, доходивших человеку примерно до пояса, находясь к ним спиной, и располагались соратники Марвела.

– Я что, всё теперь должен делать сам?! – ещё не остыв от приступа гнева, закричал он. – Долго мне ещё терпеть?! Сначала мне мешают маги – я терпеливо жду, теперь появляется какой–то щенок, которого мои лучшие воины не могут найти и уничтожить вот уже почти пять веков! – мужчина пнул ногой, валявшуюся на полу, металлическую чашу, которая затем со звоном отлетела от стены. – Сколько можно ждать?! Я всех вас спрашиваю!

Воины стояли, потупив взор. Один из них, высокий мужчина, одетый в кожаный доспех и серый плащ со знаком волка на браслете, примерно сорока лет, сделал шаг по направлению к Марвелу. К его поясу с двух сторон были прикреплены два длинных охотничьих ножа. Загорелое лицо мужчины выражало решительность. Черные глаза пылали жадной деятельностью. Светлые волосы были коротко пострижены, угрожающий оскал волка украшал своеобразный шлем. По его виду можно было сказать, что он не очень боится Марвела, либо просто привык к вспышкам его гнева.

– Позволь мне отправиться в путь с моими воинами, – ответил он. – Мы сделаем всё, что в наших силах, или погибнем!

– Ступай, Арвинг, – уже спокойнее сказал Марвел. – Надеюсь, у тебя всё получится. Жду доклада.

Арвинг, так называли этого мужчину, не заставил долго ждать. После этих слов он развернулся и сбежал вниз по лестнице, обойдя перила. Но не слишком быстро, а с достоинством, слегка придерживая свой плащ, оставив остальных выслушивать упрёки Марвела.

Через час стая из семи волков отправилась на север по знакам, оставленным разведчиками.

Глава 3. Бегство

Рассветало. В хижину зашел Глен, зачерпнул чашей воды из ведра и сделал несколько крупных глотков. Он был встревожен. Все сразу же вопросительно посмотрели на него.

– Нужно уходить. В двух днях пути отсюда стая волков, если они ускорятся, то будут здесь гораздо раньше. И я точно знаю что это за волки – с одним из них я встречался около века назад – сильный воин, – Глен начал снимать со стен капканы. – Особо не уверен, но, возможно, это их немного задержит... Мы будем передвигаться гораздо медленнее их.

Мужчина перевёл взгляд на женщину, та утвердительно качнула головой. Глен опустил на колено, повторив слова, ранее сказанные Лидией.

– Это большая честь для меня, – добавил он, поднимаясь, потому что Янис неодобрительно смотрел на него, уже собиравшись подойти к отцу и поднять его с колена, но не успел. – А теперь мы должны собираться в путь. Я расставлю капканы, Лидия, помоги собраться детям, мы выступаем через час.

Женщина, сдвинув небольшой камень в основании импровизированного стола со стороны, противоположной входу, открывавший небольшую нишу, достала сверток. Она развернула его и подала детям серо—зелёные плащи с капюшоном, идеально подошедшие им по размеру.

– Вам нужно это надеть, они прекрасно скроют вас в лесу при необходимости.

– Мама, откуда волки знают где мы находимся? – поинтересовался Янис, надевая плащ. – Глен сказал, что они в двух днях пути и направляются прямо сюда...

– Три листа завяли и упали с дерева жизни, – пояснила Лидия. – Глен был прав – это не были разбойники. Люди Раскрида знали, куда направлялись их разведчики. Теперь сюда идут воины, а с ними не так—то просто справиться. Мы не можем рисковать вашими жизнями, поэтому должны уйти. У нас иная цель, сейчас мы не можем вступать в схватку. Нам нужно отвести вас целыми и невредимыми к дереву жизни, где приблизительно через два месяца вы сможете пройти ритуал, жаль, что не удалось провести это время здесь.

Глен расставлял капканы возле хижины, мастерски маскируя их. Он несколько раз, отступая на несколько шагов, осматривал каждый с разных позиций, возвращаясь и изменяя маскировку средств ловли. Ему постоянно что—то не нравилось, он неудовлетворительно покачивал головой, понимая, что времени у него не так уж и много. В голове у него крутилась мысль: «Даже если хотя бы один – два сработают – уже хорошо». Закончив расстановку, Глен ловко взобрался на, стоящее неподалёку, вековое дерево и с напряжением всматривался вдаль – на север. Лицо его было встревожено, он озабоченно покачивал головой.

В хижине собирали только самое необходимое: снимали с креплений, расположенных на стенах, ножи, аккуратно складывая их в узелок, туда же поместилась и посуда. Лук со стрелами взял Янис, закрепив их ремнем на спине поверх плаща. Когда все приготовления были завершены, из убежища сначала вышел юноша, затем, держась за руки, Эльза и Лидия.

– Глен, мы готовы, – сказала Лидия, направляясь по тропинке к реке.

– Стойте, минуту, – Глен спрыгнул с ветви дерева и подошел к Янису. Он распахнул полы плаща юноши, взял кинжал и отрезал несколько лоскутов его одежды, после чего поместил их в траву на землю в непосредственной близости от расставленных капканов. – Теперь мы можем идти.

Семья направилась к берегу реки, где их ждала небольшая лодка, сразу не видимая с пляжа, аккуратно привязанная верёвкой к кольшку, вбитому в песок.

Стая из семи волков двигалась по направлению к хижине с севера. Впереди бежала крупная серая особь. Уши волка были практически приложены к голове, направлены назад, чтобы

посторонние звуки и шорохи не отвлекали его, глаза сужены, только нос находился в постоянном движении, отыскивая нужный среди огромного разнообразия запахов леса. Примерно через каждые пятьсот метров животное замедляло бег, жадно втягивая носом воздух, после чего опять ускорялось, попутчики следовали его темпу. Было что—то завораживающее в этом движении – молчаливом и грозном, едва различимое дыхание зверей сопровождало процессию. Стараясь не производить шума, они двигались очень осторожно, насколько это было возможно при таком темпе. Их присутствие выдавало одно: птицы, только что щебетавшие в глубине леса на деревьях, при приближении стаи замолкали, возобновляя свой гомон, как только она отдалится на почтительное расстояние. Волку, идущему впереди, это не нравилось, не останавливаясь, он иногда недовольно поглядывал вверх, слегка приподнимая голову и уши.

Стаю, пробегающую мимо селений людей природы, никто не задерживал, на неё вообще старались не обращать никакого внимания. Поселения выглядели деревнями из шести – десяти, стоящих рядом, жилищ. Ближе к горам деревеньки состояли из обширных землянок, вырытых в холмах их обитателями, с деревянными дверьми и окнами, расположенными на покатых склонах. На ровной же местности, преимущественно в лесу, жилища представляли срубленными из стволов деревьев домами, с резным крыльцом и крышей, стены которых были также украшены резьбой с панорамами сцен охоты. В некоторых деревнях находились строения под навесом с печью, открытые со всех сторон, в которых сразу угадывалась кузня. Но везде, где было только возможно, куда проникало достаточно солнечного света, обрабатывалась земля, на которой люди выращивали культурные растения. Климат равнины позволял собирать до четырёх урожаев в год. У некоторых домов паслись одомашненные травоядные животные, благо с травой в этом мире даже в лесу проблем не было.

Волки ориентировались на особые знаки, оставленные проходящими до них, разведчиками на вековых деревьях и, едва различимый, запах. Кое—где в лесу были видны почти стёртые вездесущими дикими животными следы кабана. Идущий впереди волк замечал их краем глаза, удостоверяясь в правильности выбранного маршрута.

Несмотря на небольшой размер, в лодке было достаточно свободного места. Глен, встав на одно колено, поочередно проводил веслом справа и слева от лодки, направляя её движение, бурное течение реки, недалёкое от её истока, позволяло не прикладывать сил для плавания. На носу, по ходу лодки, расположился Янис, он осматривался по сторонам, стараясь заметить малейшие подозрительные детали на обоих берегах. На корме, взявшись за руки, на небольшой доске, представлявшей лавку, сидели Лидия и Эльза. Женщина, в помощь Глену, умело направляла движение лодки, взявшись за весло, которое вставлялось в специальное крепление, после чего оно свешивалось с кормы и погружалось в воду позади судёнышка. Девушка о чем—то грустила, постоянно оглядываясь на так любимый ею пляж, где она провела много времени, пока он окончательно не скрылся за поворотом реки. После чего она с сожалением глубоко вздохнула.

– Неужели мы никогда сюда не вернемся, мама? – с грустью во взгляде и голосе спросила она. – Мне здесь было так хорошо...

– Не расстраивайся, моя хорошая, ты увидишь еще много интересных мест. Ничего нельзя утверждать, может быть, когда—нибудь ты и вернёшься сюда. Мы и так слишком долго здесь задержались. На земле людей природы мы были в безопасности, никто не догадывался о месте нашего укрытия. Да это и предположить было сложно...

– То, что раньше служило нам надёжным укрытием, сейчас играет против нас, – утверждающе сказал Глен. – Ведь мы находимся не на своей территории и помощи нам ждать здесь не от кого. К тому же нам недолго осталось пользоваться лодкой, по берегам реки расположены селения людей природы. Еще от силы час – и нас могут заметить, придётся идти пешком

до слияния двух рек. А лишних глаз – хоть отбавляй, волки без труда нас найдут, только бы хватило времени...

– Глен, а почему мы сразу не можем пойти к дереву? – поинтересовался Янис.

– Мне следует рассказать тебе о том, что произошло после исчезновения Раскрида. –

Глен задумался на несколько секунд. – К тому же, около часа у нас еще есть...

Раскрид исчез внезапно, по крайней мере для призрачного народа, которому его исчезновение обошлось слишком дорого. Народом природы сразу же вероломно была развязана война, в первые дни которой погибло население почти четверти деревень, через месяц вся северная часть земель была утеряна. Внезапность и свирепость нападения была обусловлена жадной властью Марвела – сильного воина и лидера, который очень долго ждал ухода обоих магов. Он более всех людей Раскрида усердствовал в бою: то обращаясь львом, то могучим воином со щитом и мечом, буквально вырезая население ничего не подозревающих деревень. В пылу боя, разъярившись, даже в облике воина из его груди вырывался свирепый львиный рык. Многие тогда погибли. Остановить продвижение нападавших агрессоров помогла только восточная река, на берегах которой, с противоположной землям народа природы стороны до сих пор размещены круглосуточные караулы и патрули. Народу Электора не позволили даже забрать тела погибших воинов и детей – деревни севернее были полностью вырезаны, отступавших за реку добивали везде, где могли найти. Призрачному народу пришлось сжечь, соединявшие берега, мосты в целях безопасности. Со своей стороны, люди природы с потерями также не считались, многие воины сложили свои жизни на алтарь жажды власти.

Как потом оказалось, Марвел искал мальчика, рожденного от запретного союза, который мог помешать восхождению на трон, или занять его место, и потому не щадил никого. Время от времени на берегах реки происходили стычки, это продолжается и сейчас, но народ Электора крепко держит оборону, не позволяя ворваться на свою землю. День ото дня потери множатся с обеих сторон, воинов призрачного народа остаётся все меньше.

Отчаявшись захватить земли за рекой, Марвел объявил, что оставит призрачный народ в покое в обмен на жизнь этого, с его слов, щенка. На что народ Электора ответил категорическим отказом, даже не вступая в переговоры, так как готов был к полному уничтожению и гибели за жизнь ребёнка, рождённого по пророчеству. Это еще более разъярило Марвела, вследствие чего он распорядился препятствовать прохождению ритуала детьми, рожденными призрачным народом, выставив дозоры, пункты и патрули по периметру от древа жизни, решив измором взять противника. Людям природы под страхом смерти запрещалось подписывать договор с теньями. Король не щадит ни своих людей, ни призрачных, – чем больше погибнет людей за рекой, тем больше будет его перевес в войнах из—за невозможности прохождения ритуала призрачным народом. Более того, он сам иногда ходит в дозор, с надеждой вглядываясь в лес, убивая любого, кто осмелится приближаться к дереву помимо его воли, так как знает о скором прибытии «щенка» на ритуал. Марвел поставил под оружие весь народ Раскрида, объявив себя королём долины, ему претит неподчинение, он готов лично с мечом в руках отстаивать у любого своё право на власть, дарованное ему, как он считает, ритуалом по праву ношения знака льва. Постепенно, с течением времени, все соплеменники признали его величие, кто по собственной воле, кто под угрозой расправы, обещая пойти за ним на смерть. С того времени война народов со стороны Марвела считается священной и не прекратится до полного уничтожения врага или до его полного подчинения воле самопровозглашённого короля. Недалеко то время, когда он сможет заставить свой народ называть себя народом Марвела, поправ многовековую историю. Его соплеменники, носящие знаки льва, были убиты им сразу же после совершения ритуала, что тяжким бременем легло на его народ, жрецы одно время вообще отказывались проводить ритуалы из—за убийств, совершаемых Марвелом под кроной древа. После чего он дал обещание так более не поступать и честно держит своё слово, нужно при-

знать, данное слово Марвел держит всегда. Однако, если бы помимо жрецов, кто—то мог проводить ритуалы, он, без сомнения, убил бы и старцев, чтобы назначить в ритуальный зал своих людей, тогда совершение ритуала для людей Электора стало бы вообще невозможным. Этот воин не остановится ни перед чем на пути к власти и могуществу.

Марвел приказал своему народу высечь из камня замок в скалах на севере от древа жизни, окружил себя единомышленниками, только им позволено входить в тронный зал. Вокруг замка он разместил несколько деревень, снабжающих его и его армию самым необходимым – пищей и дополнительным оружием, помимо обретаемого при проведении ритуала. В восточной комнате замка он, с помощью кузнецов и ремесленников, пытается проникнуть в природу призрачного оружия с целью использования его в бою без заключения договора с тенью, что, как считалось ранее, невозможно. Но для Марвела, с его слов, нет ничего невозможного.

Вот уже почти пять веков длится противостояние на берегах восточной реки. Народ Электора истощен, он с надеждой ждёт совершеннолетия своего спасителя, чтобы позволить ему, даже ценой уничтожения целого народа, пройти ритуал в зале древа, собирая силы для решительного последнего удара...

Глен замолчал. Лодку несло течение. Молчали все, сопереживая страданиям ни в чём не повинных людей призрачного народа, принесённых в жертву неуёмной жажде власти одного человека. Спустя некоторое время Лидия, с молчаливой команды Глена, направила лодку к правому берегу.

Мужчина, выпрыгнув из лодки, легко втащил её на песчаный берег. Остальные немедля покинули судёнышко и моментально, чтобы не привлекать излишнего внимания, скрылись в лесу, направляясь на восток – туда, где сливались две реки. Время от времени они останавливались, делая кратковременные привалы, после чего сразу отправлялись в путь. Огибая поселения, путники старались казаться незамеченными, что пока им удавалось, на руку играло то, что их здесь совсем не ждали. Ночь застигла людей в глубине девственного леса. Глен, развёл костер и готовил на углях белку, которую по пути подстрелила Лидия. Переночевав в лесу возле костра, все четверо снова отправились в дорогу, уничтожив, по возможности, следы пребывания. Не считая испугавшегося оленя, который бросился через лес, ломая ветки, все было спокойно. Олень не был обращённым, иначе Лидия или Глен знали бы это – от обращённых животных всегда стойко ощущался запах человека – почувствовать его людям, прошедшим ритуал, не составляло особого труда, тем более с такого короткого расстояния. На исходе второго дня пути, пройдя примерно треть запланированного, компания снова устраивалась на ночлег посреди девственного леса, сильно затрудняющего продвижение. Из—за того, что здесь не ступала нога человека, лес был менее проходим, но рисковать, выбирая более свободные участки для движения, путники не могли – их бы сразу обнаружили.

Стая волков приближалась к месту назначения, по мере приближения они выстраивались в полукруг, увеличивая расстояние между ближайшими особями, окружая хижину, чтобы подойти к ней сразу со всех сторон и отрезать пути возможного отступления. Кольцо стягивалось. Арвинг заходил с центра, поднимаясь по тропинке. Тишину разорвали лязг металла и глухой звук падения тела. Волки ускорились, ступая осторожнее и осматриваясь по сторонам. Со стороны реки на лужайку перед хижинкой вышло, увеличиваясь в размерах, и без того крупное животное. С каждым последующим шагом его тело преображалось. Наконец, поднявшись на задние лапы, тело разогнулось и полностью обрело человеческий вид. Вслед за ним, со всех сторон от хижины из травы появились, также преображаясь по мере движения, еще пять человек. Все они, крадучись, продвигались вперёд, за исключением Арвинга, который уверенно направился к хижине. Ему уже было понятно, что людей здесь нет, потому что на пляже воин

заметил следы отплытия. Он осмотрел попутчиков, развернулся и пошёл на ранее услышанный звук. Недалеко в траве распласталось обезглавленное тело человека, завалившегося на бок. Оторванная голова лежала рядом с захлопнувшимся огромным капканом. На траве застывала кровь. Арвинг закрыл глаза погибшему воину. Он опустился на колено перед капканом, поднял лоскут одежды и, с сожалением, покачал головой.

– Неплохо, Глен, неплохо, – сказал он сам себе, внимательно осмотрев место происшествия, затем повернулся к спутникам. – Они ушли по реке. Смотрите, что бывает с теми, кто пренебрегает правилами, – Арвинг жестом указал на погибшего товарища. – Недооценка противника, небрежность и слепая вера в собственное бессмертие и силу всегда заканчиваются смертью. Закопайте его, дальше мы разделимся – группа Лонга, похоронив тело, переправится через реку и пойдёт по противоположному берегу. Я и ещё двое отправимся по правому берегу, что—то мне подсказывает, что беглецов я найду на этой стороне реки. Идём быстро, мы обнаружены, осторожничать больше нет смысла – мы на своей территории. Я сообщу о месте высадки.

Люди разделились. Трое, во главе с Арвингом, моментально обратились в волков и, не обращая внимания на производимый ими шум, буквально понесли вдоль берега реки вниз по течению. Остальные остались выполнять приказ, после чего переплыли реку и побежали в том же направлении по другому её берегу. По истечении примерно часа с начала погони в лесу раздался волчий вой, стая во главе с Лонгом тотчас же спрыгнула с берега в воду, переплыла реку, направившись по направлению к условленному сигналу. Соединившись с основной группой, объединенная стая углубилась в лес.

Глен замер, прислушиваясь к звукам леса. Оценив расстояние, он понял, что волки значительно сократили, разделявшее погоню и беглецов, расстояние. Лидия сразу все поняла. До реки оставалось еще около двух дней пути, стая настигла бы их спустя день, от силы полтора, и то, если не останавливаться на ночлег. Но это было невозможно – с ними были дети.

– Лидия, я остаюсь, – не требующим возражения тоном произнес Глен, затем, посмотрев на детей, добавил: – Я не прощаюсь. Просто так нужно. Идите как можно скорее насколько хватит сил, задержать большую часть из них у меня точно получится. С остальными должна справиться ты.

– Папа, пойдём с нами, – у Эльзы на глаза наворачивались слёзы.

– Не теряйте времени, идите же! – Глен скрылся в лесу в противоположном направлении.

Лидия за руку увлекла за собой, едва сопротивляющуюся девушку. Янис, понурив голову, отправился за ними.

Глен искал небольшую полянку, которую они совсем недавно прошли, именно там он решил встретить преследователей. Минуту её, он начал приготовления.

Глава 4. Схватка в лесу

Глен старался производить как можно больше шума, чтобы его обязательно заметили – постукивал по стволам деревьев, оставляя на них свой запах, нарочно изредка ступал на сухие ветви, опавшие с деревьев. В общем, вёл себя не как дилетант в лесу, а просто как невнимательный охотник. Он расставил на пути следования к поляне небольшие ловушки, способные на время задержать, попавшее по невнимательности в них животное, заранее наметив пути отступления к нужному месту. Затем забрался на дерево, зарядил болт в арбалет, взвёл курок и принялся ждать погоню. Ждать оставалось уже менее суток, Глен решил выспаться. Он разместился на ветви векового дерева в полной боевой экипировке, не упуская из внимания, что волки могут появиться раньше и закрыл глаза. Спал Глен очень чутко, просыпаясь при малейшем шорохе. Предполагал, что стая может разделиться, учуяв его запах, хотел отвлечь на себя как можно больше преследователей. Несмотря на постоянные перерывы, Глен видел сны, он чему – то умиротворённо улыбался.

По небольшой равнине к реке бежали дети народа природы – два мальчика и девочка – золотоволосые, смеющиеся. Девочка по пути срывала цветы, подкидывая некоторые их вверх, над собой, поднимая голову и обнажая солнцу красивое не по годам, загорелое лицо. Мальчишки же наперегонки бежали к невысокому обрыву, с которого, не останавливаясь, прыгнули в прозрачную воду. Девочка, наблюдая за ними сверху, свесив босые ноги с обрыва, плела венки из сорванных по пути цветов. Дети были счастливы, находясь вместе.

Картинки сменяли одна другую, рисуя беззаботное игривое детство. Вот они же на базарной площади в праздник, взявшись за ленточки, бегают вокруг, вкопанного в землю, столба... Вот прыгают с деревьев на, проходящих внизу, лошадей... Вот шкodyт, вытаскивая у кузнеца из кармана кожаного передника щипцы, зацепив их петлей брошенной бечёвки, тот грозит им пальцем, но не сердится, улыбаясь в ответ... Вот убегают от матери одного из мальчиков, которую облили водой из ведра... Вот они поочерёдно стреляют из лука в мишень, тренируясь в меткости... Вот расставляют силки в, прилегающем к деревне, лесу, охотясь на кроликов... Радужные картинки успокаивали Глена, воспоминания о детстве заставляли приятно сжиматься сердце, вновь пережить ту далёкую пору, пусть и во сне. Сожалел ли Глен об ушедших беззаботных временах? Скорее всего – нет, став взрослым, он понимал и принимал их безвозвратность, по – философски относясь к происходящему. Но если бы их можно было вернуть и что—то изменить, – он обязательно бы сделал это, как и любой другой человек. Как часто нам снятся проделки детства, возвращая нас в ту светлую беззаботную пору?.. Как счастливы, наивны и невинны мы были тогда, не зная жестокого мира взрослых?..

Арвинг издали почуял Глена, но ещё не знал, что беглецы разделились. Увидев, что один из волков взлетел внезапно вверх в расстановленной сетке, он ухмыльнулся и преобразился в человека. Стаю это не остановило – попавшийся сможет выбраться сам. Арвинг, пропустив вперёд остальных четырёх волков, заметил открывающуюся лужайку, где всё было видно как на ладони. Осторожность не подвела опытного воина: череп первого же, выскочившего из леса на лужайку, волка был пробит арбалетным болтом, пригвоздившим голову, сразу же преобразующегося после смерти, животного к земле, сбив его полёт в прыжке. Остальные волки остановились, что позволило Глену перезарядить арбалет. Он спрыгнул с ветви дерева и вышел на поляну.

– Я жду тебя, Арвинг, уже очень долго жду. Я уж начал опасаться, что ты не придёшь, – Глен улыбался, пытался выманить противников на поляну, подстрекая их к действию, – Ты сильный воин, большая честь для меня сразиться с тобой!

Арвинг кивнул волкам, те, наблюдая за каждым движением Глена, выбежали на поляну и стали рысью, петляя, приближаться к нему. Глен опустил арбалет, понимая его бесполезность в таком противостоянии, волки могли легко увернуться, моментально среагировать, заметив начало движения болта. Он обнажил меч и взял обратным хватом кинжал, мерцавший призрачным светом, – его лезвие облизывали небольшие, тёмно—синего цвета у самого лезвия и голубого на окончании, языки пламени. Арвинг же начал обходить поляну справа по краю, прячась за стволами деревьев, стараясь ступать неслышно и незаметно.

Три волка прыгнули одновременно, друг за другом, атака каждого из них шла с запозданием в доли секунды от предыдущего. Глен увернулся от первого волка, пролетевшего мимо, слегка отклонившись назад, сделал шаг в сторону и встал боком к направлению броска. Молниеносным движением руки он отсек голову второму волку. Третий волк опрокинул Глена на землю, преобразаясь при этом в человека. Они, сцепившись, покатались по направлению к окраине лужайки. Глен, пока животное преобразалось и клацало зубами около его горла, отодвигая правой рукой голову волка, успел нанести несколько резких отрывистых ударов в его правый бок, перехватив в руке кинжал в момент падения, что, несомненно, спасло ему жизнь. Лезвие, погружавшегося в тело волка, кинжала, шипело, кровь животного закипала в местах ударов. Воин выбрался из—под обмякшего тела и вскочил на ноги, держа в левой руке окровавленный кинжал, языки пламени стали больше, вкусив кровь живого существа. Меч его был выбит из правой руки при падении и лежал в пяти шагах. Костюм был испачкан кровью последнего убитого волка. Взять меч не представлялось возможным – над ним уже стоял, высвободившийся из ловушки, волк и грозно скалил зубы, издавая рычание. Промашнувшийся, бросившийся первым зверь, приближался с противоположной стороны, также грозно скалясь и рыча. Глену пришлось отступить назад, для того, чтобы держать в поле зрения обоих противников и не оказаться ни к одному из них спиной. Он пятился, затем, видимо, приняв окончательное решение, отбросил кинжал – началось преобразование – через несколько секунд в ответ волкам скалился чёрный медведь гризли, отступая потихоньку назад, выводя волков на одну линию строго перед собой. Медведь пятился медленно, до тех пор, пока не уперся в, стоящее позади, дерево.

Всё произошло очень быстро. Один из волков прыгнул, медведь поднялся на задние лапы, занеся переднюю для мощного удара. В этот момент с обеих сторон дерева блеснули два длинных изогнутых охотничьих ножа и вонзились в его бока. Бросок первого волка достиг цели – он вцепился в горло медведя зубами, стараясь вырвать его. Тот взревел от резкой боли, стоя на задних лапах, размахивая передними, он старался вытащить сталь из своего тела. В этот момент прыгнул второй волк – атака его была неудачной – он напоролся на, рассекающие воздух, острые когти, хаотически движущихся, лап медведя и был тотчас же разорван. Его грудь и живот были просто снесены мощным ударом лапы с выпущенными когтями. Животное замедляло свои движения, схватив лапой, повисшего на горле волка, оно отбросило его в сторону. Волк ударился головой о вековое дерево, заскулил и отключился. Глен, уже преобразаясь, из последних сил, развернулся и, выпустив когти как можно больше из могучих лап, с сильного размаха провёл ими за деревом, к которому до этого прислонялся спиной. Когти встретили небольшое сопротивление движению только снизу, после чего за деревом послышался едва различимый стон. Медведь отступал назад на поляну, тяжело дыша, постепенно преобразаясь в человека.

Глен стоял, опустившись на колено правой ноги и опираясь правой рукой на траву поляны. Его левая рука безжизненно обвисла вдоль тела, левая нога, согнутая в колене, опиралась на стопу, поддерживая шаткое равновесие. Из боков, погруженные по рукоять, торчали ножи – лёгкие были пронзены насквозь, чудом не задето сердце. Глен хрипел, на его губах, образуя пузыри, выступала кровь...

Из—за дерева, хромая, вышел Арвинг. Бедро его левой ноги было сильно повреждено, практически до кости, кровь стекала на траву, капая с ботфорта разорванного сапога. Торопясь, насколько это было в его случае возможно, он подошёл к Глену и успел подхватить, заваливающееся на бок тело человека, придерживая левой рукой его голову. Одновременно опустился на траву рядом с воином, опираясь на здоровую ногу и подставив под тело воина левое колено. Арвинг поморщился от боли.

– Это был хороший бой, Глен. Ты достойно сражался, для тебя я сделаю всё, что необходимо.

– Спасибо, – ответил Глен, улыбнувшись сквозь хрипы и боль, слова ему давались с трудом. – Я не боюсь смерти, давно... Я очень сильно устал смотреть на то, как мы убиваем друг друга, так не должно быть. Останови это.

Волк, пришедший в себя после удара о дерево, подходил к месту разговора. Арвинг жестом приказал ему продолжать преследование, тот, видя, что товарищ ранен, но жизни его ничего не угрожает, исчез в чаще леса, продолжив погоню.

– Мне жаль, что всё так получилось, мы могли бы быть друзьями.

– Не переживай, всё произошло так, как было нужно, я никогда не считал тебя своим врагом, – Глен дышал всё медленнее, запинаясь на каждом слове, делая паузы между фразами, чтобы собраться с силами. – Знай, что для тебя не всё ещё потеряно. Скоро ты найдешь то, что так давно ищешь...

После этих слов тело Глена сотрясли конвульсии, из его рта густо хлынула кровь. Он в последний раз посмотрел противнику в глаза, после чего его веки опустились навсегда. Голова откинулась назад, надавив на руку поддерживающего её человека, воин ушёл из жизни с улыбкой на лице.

– Что?! Что ты сказал?! Глен! – Арвинг тряс за плечи тело Глена, затем прижал его к себе, снова отпустил, и, подняв голову вверх, истошно закричал: – Не—е—ет!!!

Воин опустил вниз голову, на глаза помимо его воли наворачивались слёзы, в первый раз за всю жизнь. Он решительно встал, похоронил на поляне, где происходил бой, тела Глена и своих товарищей. Это заняло около двух часов, после чего, прихрамывая, направился за Лонгом, именно он выжил в бою, помимо Арвинга. Полностью преобразившись в волка к окончанию поляны, он скрылся в лесу.

Из—за деревьев со стороны появления стаи волков возникла тёмная фигура человека, казалось, она плыла по воздуху, не касаясь земли. Скорее всего, это существо наблюдало за происходившим только что на поляне, боем, не вмешиваясь в него. Преодолев расстояние до могил на середине поляны, фигура остановилась, замерев на некоторое время у одной из них, повернула то, что должно было представлять собой голову на восток – туда, куда направились волки. Затем в воздухе в том же направлении, повернулось, назовем его так, тело – и, не оглядываясь, силуэт последовал вслед за волками, постепенно растворяясь в окружающем пространстве.

Описать это существо сложно. Оно состояло из торса и головы человека, точнее сказать, – это был их бледный силуэт, нижняя часть которого, предполагающая ноги, отсутствовала, но их наличие угадывалось из—за расстояния, которое было между плывущим в воздухе блеклым торсом и поверхностью поляны. Тёмный силуэт бледнел, пропадая в воздухе, сверху вниз и от центра к краям, как будто рисунок, сделанный карандашом на листе бумаги, художник снизу и с краёв, размывая, затирая ластиком. На месте, полагающемся для глаз, светились два голубых огонька, повторяющих очертания контура глазниц. Свет, источаемый ими, заполнял глазницы полностью – яркий в центре и тускнеющий по краям. Силуэт не раскачивался, как это обычно бывает, когда тело движется при ходьбе, переносил центр тяжести с ноги на ногу. Остроконечные размытые грани по краям силуэта представляли правильным симметричным

рисунком, составленным, как будто, из осколков тёмного метала, напоминающего очертаниями заострённые камни скальной породы. На силуэте, таким образом, угадывались очертания тяжёлых доспеха и шлема. Не было слышно ни шороха, ни дыхания при его движении. На первый взгляд, могло показаться, что силуэта нет вовсе, потому что во время движения он то пропадавал в лучах солнца, то появлялся вновь. Обычный человек вообще бы принял это явление, как кажущееся на короткий промежуток времени, реально не существующее, порождённое либо оптическим обманом, либо созданное большим воображением видевшего его. Он вообще мог бы с полной уверенностью впоследствии утверждать, что ему показалось.

Фигура непостижимым образом прошла сквозь ствол, произрастающего на краю поляны, векового дерева – гиганта и скрылась в лесу, полностью растворившись в воздухе.

Лонг уже чувствовал запах людей, он все более ускорялся, огибая и перепрыгивая всевозможные препятствия в лесу, до реки оставалось совсем немного. Он был уверен, что достигнет беглецов до ещё до того, как они смогут переправиться на другой берег. Волк ускоренно дышал, длительная погоня сильно утомила его, язык животного свешивался набок из раскрытой пасти, но чувство долга гнало его вперёд, несмотря на усталость.

Лес редел, расступаясь в стороны, расстояния между деревьями становилось все шире, в воздухе уже стойко стоял запах, протекающей неподалёку, реки. Лидия, пропустив детей вперёд, постоянно оглядывалась назад, ожидая нападения в любую минуту. Янис и Эльза бежали, не оглядываясь, чувствуя тревогу, сопровождавшей их, женщины. К счастью, в этом месте не ощущалось свежих запахов людей природы – либо патруль здесь прошёл давно, либо его вообще никогда не было.

– Как только достигните реки, сразу прыгайте в воду и плывите на другой берег, что бы здесь не происходило, – обратилась к детям женщина. – Не оборачивайтесь, просто бегите, не говорите ничего, у нас очень мало времени.

Лидия уже явно ощущала присутствие Лонга, через несколько шагов, не добежав до реки менее ста метров, она остановилась, взяла в руки лук, вложила стрелу в тетиву, и, развернувшись спиной к реке, ждала преследователя. Дети, взявшись за руки, добежав до берега, не останавливаясь, с разбега прыгнули с обрыва в воду.

Из леса, просвистев, рассекая воздух, вылетели два метательных ножа. Один из них вонзился в плечо женщины, от второго она, не опуская лука, смогла увернуться, встав боком, не меняя позы и держа на прицеле лес. Кровь сочилась из раны, но женщина не обращала на это внимания, лишь слегка поморщившись при попадании. Между деревьев показался ассасин с двумя длинными охотничьими ножами, зажатými в кистях рук. Он, ускоряясь, побежал к Лидии. С удивительной скоростью, во время приближения противника, она, раненая, сумела выпустить шесть стрел. Воин показывал чудеса ловкости: он буквально летал в воздухе, опираясь ногами на стволы деревьев, исполняя замысловатые сальто. Две заряда, несмотря на поразительную ловкость нападающего, уворачивающегося от выстрелов, все—таки достигли цели, пронзив бок, не задев внутренние органы, и бедро правой ноги. Приблизившись к женщине, воин обломил, торчавшие из его тела, стрелы и закружился в стремительном вихре атаки. Лидия, отбросила лук в сторону, вытащила из раны метательный нож, держа его обратным хватом в левой руке. Когда воин приблизился уже практически вплотную, выхватив из пояса длинный изогнутый нож, она отражала его яростные нападения, отступая в процессе боя к реке. Оружие Лонга высекало искры, соприкасаясь с лезвием прозрачного клинка, светящимся синим огнём, которое озарялось вспышками синего пламени при контакте с обычной сталью. Оба противника наносили друг другу многочисленные колото—резанные раны и истекали кровью, но не останавливались ни на секунду, чтобы перевести дух.

Лонг просчитался – он высоко подпрыгнул, оттолкнувшись ногой от, стоящего справа, дерева, и, исполнив сальто в воздухе, хотел приземлиться за спиной Лидии, но та разгадала

его манёвр, обернувшись к врагу лицом раньше, чем тот ожидал. Лезвие призрачного клинка глубоко, с шипением, вошло в грудь воина, пронзая сердце. Лонг только и успел воткнуть оба клинка в плечи женщины, но резко рвануть обеими руками вниз, рассекая её тело, у него не получилось. Кисти рук Лонга разжались, выпустив рукояти ножей. Пытаясь вцепиться в плечи Лидии, его пальцы скользили вниз по её рукам вслед за с оседавшим телом. Женщина извлекла из ран оружие нападавшего, отбросила его в траву. Она, шатаясь из стороны в сторону, стараясь не потерять сознание, шла к берегу реки, желая убедиться, что дети в безопасности. Глаза застилала кровавая пелена от многочисленных ран и потери крови. Выйдя на берег, Лидия опустила на колени, её тело слегка сдвинулось влево, опираясь на левую руку, правая рука, не выпускавшая призрачный нож, безжизненно лежала на коленях. Она перевела взгляд на водную гладь – где—то посередине реки, борясь с течением, плыли две фигуры. Они расплывались в глазах утомленной женщины, наконец, убедившись, что дети живы и смогут добраться до противоположного берега, она упала на траву обрыва над рекой, потеряв сознание.

Спустя полчаса на берег из леса вышел, уже слегка прихрамывающий, Арвинг. Регенерация тканей на ноге была практически завершена, функции мышц восстанавливались с поразительной скоростью. Он немедленно отправился к, лежащему на траве, телу женщины, весь его вид говорил о том, что он был немало удивлён, увидев её здесь, но всё ещё испытывал определенные сомнения. Подойдя поближе, Арвинг сильно изумился увиденному, это моментально отобразилось на его лице, не теряя времени, он сразу же бросился к телу Лидии. Слегка приподняв её голову, он приложил ухо к груди – сердце билось, воин с облегчением выдохнул. Арвинг достал нож, провёл лезвием по ладони левой руки. Сжав кисть в кулак, он заставлял свою кровь стекать на открытые раны женщины.

За спиной, склонившегося над телом женщины, воина на секунду среди стволов деревьев материализовался тёмный силуэт, после чего моментально растворился в воздухе. Арвинг резко обернулся, почувствовав неладное, внимательно осмотрел кромку леса, но ничего не заметив, снова повернулся к Лидии. Он поднял её на руки и направился в лес, где через минуту их скрыли вековые деревья.

Янис с сестрой подплывали к противоположному берегу, навстречу им вышли два воина призрачного народа, вооружённые копьями со стальными остриями, мерцающими синим пламенем, на которые они опирались при ходьбе, и огромными круглыми щитами с выемкой сверху в виде полумесяца, пристегнутыми сзади и закрывающими полностью их спины. На них были лёгкие латные доспехи, прикрывающие плечо над щитом и руку, держащую копьё по плечу. На ногах, прикрывая голень спереди, доходящие до колен, бечёвкой крест—накрест на икрах в нескольких местах крепились стальные щитки, переходящие в латные сандалии. На браслетах и щитах были выгравированы изображения скорпиона. Экипировку завершал тёмно—серый плащ. Шлем представлял собой головной панцирь огромного членистоногого. Увидев детей, недоумевающие воины сразу же подбежали к ним. А узнав кто перед ними, – почтительно склонили головы, встав на колено правой ноги одновременно. Выйдя на берег, дети обратили свой взор на Лидию, тело которой уносил на руках в лес воин народа Раскрида. Эльза заплакала, уткнувшись лицом в грудь брата.

– Не нужно плакать, сестра, – сказал Янис, увлекая за собой девушку. – Возможно, мы с тобой еще увидим их. Пойдем, нас зовут.

На противоположном берегу реки наблюдалось оживление. Патруль, состоящий из двух воинов, обыскивал берег. Один из них протрубил в рог, призывая подкрепление, следов было очень много: от тела мертвого Лонга до кровавых следов на траве обрыва. Это очень беспокоило патрульных, им предстояло держать ответ не только за переправу детей на другой берег перед самим Марвелом. То, что дети здесь были и прыгнули в реку – было понятно даже начи-

нающему следопыту. Больше всего беспокоили следы Арвинга, ведущие в лес и исчезновение тела женщины, отпечаток которого ещё хранила прибрежная трава. На берег прибывали воины народа природы, услышавшие призывный звук рога. Четверо воинов отправились по следам, ведущим в лес, остальные о чём—то совещались на берегу.

Глава 5. Отголоски прошлого

Арвинг обустроил шалаш из ветвей ели, в который бережно уложил Лидию. Он предусмотрительно забрал с места схватки с Лонгом её оружие, уничтожить следы боя не было времени – его место было уже обнаружено. Женщина не приходила в себя, хотя практически все её раны уже затянулись и не кровоточили. Регенерация шла бешеными темпами – края ран сдвигались, моментально превращаясь в небольшие рубцы. Арвинг знал, что их найдут, он тоже слышал звук рога, поэтому сидел у входа в шалаш и ждал преследователей. Взяв в руки лук Лидии, он держал на прицеле направление, с которого должны были появиться воины. Они приближались, уже чётко различались голоса. Люди не старались скрываться, так как они шли по следу человека природы, но увидев тело врага, которое оберегает соплеменник, они убили бы обоих, не раздумывая, особо не вдаваясь в причины такого его поведения. Арвинг готовился дать решительный бой, защищая женщину в шалаше, понимая, что, скорее всего, этот день будет последним для них обоих.

В какой—то момент, незадолго до прихода людей природы, со стоящим рядом с шалашом, деревом, материализовался тёмный силуэт, появлявшийся ранее на поляне и берегу реки. Он ширился и разрастался во всех направлениях, поглощая шалаш и находящиеся в нём людей, окутывая их тёмной пеленой тумана. Арвинг вскочил, тревожась за женщину, не зная как противостоять этому туману. Но вдруг услышал слова, идущие не из окружающего мира, а как—будто возникающие у него в голове. Они не были отчётливыми, скорее шипели, чем звучали, одновременно завораживая и пугая, казалось, что голос, произносивший их, не имеет отношения к существующему миру.

– Доверие... Спокойствие... Нет... Вред... – шипел голос. – Сидеть... Быстро...

– Кто ты? – непонимающе спросил Арвинг. – Что тебе от меня нужно?

– Сядь... Ты... Желание... Женщина... Жить... – продолжал голос. – Лечить... Враг... Тут... Сидеть... Тихо...

Арвинг опустил в прежнюю позу. У него не оставалось выбора. Тёмный туман, создавая вихри вокруг шалаша, поглотил его полностью. Сквозь мутную пелену Арвинг видел силуэты деревьев и выходящих из леса людей, он натянул тетиву, прицелившись.

– Нет... Тсс... Глупость... Человек... – опять, теперь уже раздражённо, зашипел голос. – Сидеть... Тихо... Доверие...

Воин опустил лук вниз, подчиняясь голосу, и прислушивался к происходящему рядом. Чётко людей он не различал, видел только их силуэты, голоса преследователей были размыто слышны. Такие звуки голосов Арвингу были знакомы. Они были похожи на те, которые он слышал, когда погружался с головой в воду, прячась от патрулей призрачных людей в реке. Слова были размыты, но смысл разговора можно было понять. Волосы на голове Арвинга встали дыбом, когда один из воинов, подпрыгнув вверх, принялся ходить по воздуху над его головой. По телу пробежал неприятный холодок, выступив мурашками на коже. Он провожал, расхаживающего по воздуху, воина недоумевающим взглядом, инстинктивно схватившись за ножи на поясе. Но не достал их, видя, что воин его не замечает. Арвинг старался сдерживать дыхание, которое усиливалось от переживаемых волнений. Во рту у него пересохло. Когда же в воздухе завис второй воин, Арвинг протёр кистями рук глаза, отказываясь верить происходящему. Затем, зажмурив их, быстро потряс головой из стороны в сторону, словно стараясь встряхнуть сознание, и снова посмотрел вверх, но ничего не изменилось.

Четыре следопыта со знаком оленя на браслете и луками за спиной остановились возле огромного валуна, лежащего рядом с огромной елью. Они обошли его со всех сторон, один

из воинов даже запрыгнул на камень, поросший мхом, осматривая его в поисках следов, но не находил их.

– Я не понимаю, – говорил воин, стоя на камне. – Он не мог уйти в этот огромный валун. Здесь больше ничего нет! Поднять его тоже невозможно, даже носорог бы не справился... Камень лежит здесь давно – смотрите, на нём мох, и пожелтевшие корни травы по краям указывают на то же самое. Ничего не понимаю! Или мои глаза мне лгут, или он внутри камня.

Воин даже не подозревал насколько был прав и в том и в другом, произнося эти слова. Он выпрямился и недоумённо развел руками в стороны, показывая, что здесь он бессилен.

– Здесь творится что-то неладное, – поддержал его соратник, тоже запрыгивая на камень и пригнувшись. – У меня волосы на затылке встают дыбом, тут явно какая—то магия, я её всегда нутром чувствую. Пойдемте—ка отсюда. Расскажем все как есть.

– Да нам никто не поверит, какая магия? Раскрида нет давно, – возразил ему человек у дерева, поднимая голову вверх и осматривая ветви в поисках беглеца. – Назовут трусами и казнят. Ты Марвела не знаешь что—ли? Вот вляпались так вляпались... Стояли бы сейчас на берегу и ждали указаний. Кто тебя вообще за язык тянул? Мы найдём, мы найдём...

– Не спорьте, он не мог знать, – пресёк спор четвёртый воин, по всей видимости, – командир отряда. – Никто вас не казнит, моему слову верят, а я вижу то же, что и вы. Следы ведут к огромному валуну, где обрываются. И тела, оставившего отпечаток на траве обрыва, нигде нет. То, что он нёс его на руках, видно по более глубоким, чем он оставлял до этого, следам. Вопрос – зачем ему тело? Ну, на самом деле, не улетел же он?.. Хотя я уже и в этом не уверен.

Командир отряда разочарованно и обречённо махнул рукой сверху вниз, показывая тем самым, что осмотр местности окончен. Затем развернулся и зашагал в обратном направлении. Остальные воины, постоянно оглядываясь на валун, словно ожидая, что что—то может измениться, отправились следом за ним. Отряд скрылся в лесу.

Туман вокруг шокированного Арвинга постепенно рассеивался, материализуя в воздухе тёмный силуэт. Тёмные потоки как будто возвращались в него, затекая с различных направлений, делая его менее прозрачным. Наконец, фигура, втянув в себя из окружающего мира всю тёмную субстанцию, приняла первоначальный вид.

– Время... Нет... Лечить... Они... Возвращение... – снова зашипел голос в голове Арвинга. – Ты... Быть... Мало... Тут... Уходить...

– Я не знаю кто ты или что ты, – выдавил из себя Арвинг. – Но я благодарю тебя. Я боюсь предлагать тебе что—либо взамен... Но спросить должен: может, что—то тебе нужно?

– Ты... Чувство... Я... Берег... – продолжил голос. – Так... Должно... Быть... Нет... Благодарность... Нужно... Нет... Женщина... Глаза...

После этих слов фигура моментально растаяла в воздухе, из шалаша раздался слабый стон. Арвинг буквально запрыгнул в шалаш, опустился на колени рядом с женщиной, пытаясь приподнять её голову. Но та резко села сама, оторвав торс от постеленных ветвей и ощупывая своё тело в тех местах, где прежде были раны. Лидия недоумевала: как ей удалось выжить, и только потом заметила, сидящего рядом, Арвинга. Изначально испуганные её глаза наполнили слёзы, было видно, что она его узнала.

– Так вот о ком говорил Глен! – осознавая происходящие до этого момента события, произнесла она. – Он жив?

Арвинг виновато отпустил голову вниз. Лидия в ужасе прикрыла рот рукой. Воин поднял взгляд и, с надеждой, посмотрел на женщину, как будто извиняясь. В его взгляде сквозила обречённость, он не знал что сказать, лгать ей он тоже не мог. Арвинг смотрел на Лидию глазами влюблённого мужчины, наконец нашедшего свою единственную и неповторимую женщину, но в силу обстоятельств имеющую право не принимать его любовь.

– Можешь ничего не говорить, – сама начала разговор Лидия. – Я знала, что Глен искал смерти, потому что не мог более спокойно воспринимать безумие, воцарившееся в этом мире. Я не осуждаю тебя, выполнив свой долг, он всё равно нашёл бы то, что искал. Здесь ему удалось уйти из жизни достойно, во имя великой цели. Это был его выбор.

– Почему мне сказали, что ты умерла? – с сожалением спросил Арвинг. – Кто придумал это? Зачем? Все могло быть иначе! Ведь я люблю тебя всю свою жизнь!

– Это Глен, больше никому, – догадалась Лидия. – На самом деле его несложно понять. Он всегда был благородным и честным, за исключением этой истории. Мне он тоже сказал, что тебя нет в живых... Когда я преобразилась, спустя некоторое время он последовал за мной, приняв условия договора с теньями, чтобы не оставлять меня одну. Теперь я понимаю, почему он не преобразился сразу – ему нужно было донести до тебя весть о моей кончине...

– Зачем ему это делать? Почему не рассказать мне правду?

– Об этом можно только догадываться, но я предположу, что Глен не был уверен в том, что ты последуешь за мной к призрачному народу, – поясняла Лидия. – И не хотел, чтобы ты принимал такое решение исходя из сложившихся обстоятельств, под их давлением, это должно было быть осознанным шагом. Ты же сам, не единожды, выказывал свое негативное отношение к народу Электора. Вы постоянно дрались из-за этого, вспомни, как вас всё время разнимали то дети, то взрослые! Глен не мог этого не запомнить.

– Что это меняло? Почему он принял решение за меня? Я сам вправе решать свою судьбу!

– Хмм... Ты вспомни: чем обернулась история запретной любви? – Лидия на минуту задумалась. – Как всегда, предусмотрительный Глен, я полагаю, не хотел, чтобы мы повторили судьбу людей, заточённых в озере, пожертвовав собой ради нас, но мы снова встретились. Знаешь, я не смогу принять любовь человека Раскрида, Глен не простил бы мне этого...

Лидия поднялась на ноги, закрепляя ремни на теле. Было видно, что такое решение даётся ей с трудом. Подняв своё оружие, она вышла из шалаша, поместив лук со стрелами и нож на, полагающиеся им, места.

– Здесь наши дороги расходятся, – сказала она, не поворачиваясь лицом к Арвингу, поправляя поясной ремень и расправляя вниз складки на кожаном доспехе. – Я благодарна тебе за то, что ты спас мне жизнь, хотя и не понимаю каким образом. Сейчас я должна продолжить свой путь. Мальчик вырастет, времени для его подготовки осталось мало. Я обязана помочь ему и его сестре. Прощай...

– Ты останешься со мной, – ответил Арвинг, выходя из шалаша.

– Тогда тебе придётся убить меня, сопротивляться я не буду, – Лидия ответила с негодованием, резко развернувшись вокруг своей оси.

Женщина опешила, сделав несколько шагов назад – перед ней стоял, перевоплощенный в призрачного человека, Арвинг.

– Глен был прав! – промолвил он, направляясь к ней. – Тогда бы я колебался. Сейчас же – нет! Умирая, он сказал мне, что скоро я найду то, что так долго искал! Не понимаю, откуда он всё это знал? Я нашёл тебя, теперь наши судьбы неразрывно связаны... Хочешь ты того или нет...

– Ты спрашиваешь, хочу ли я этого? – удивлённо спросила Лидия со слезами на глазах, идя навстречу Арвингу. – Я мечтала о нас с тобой всю, дарованную мне после мучительной смерти, жизнь. Ты снился мне постоянно, Глен правильно сделал, что сказал мне о твоей смерти, иначе моё сердце не выдержало бы этой разлуки! Глен, мой добрый брат Глен...

Люди обнялись. Из глаз женщины текли слёзы. Арвинг же улыбался, он был счастлив. Вдруг его лицо сделалось серьёзным.

– Я слышу шаги, нам нужно уходить! – сказал он, схватив Лидию за руку и увлекая её за собой в лес. – Идём!

Лидию не нужно было долго упрашивать, люди бегом отправились в противоположную от приближающихся шагов сторону. Как только они скрылись в лесу, вновь появился тёмный силуэт, создавая на том же самом месте тот же самый камень, что до этого скрывал шалаш. Туман распространился дальше, маскируя следы ушедших, создавая иллюзию отсутствия каких бы то ни было изменений в, окружающей камень, траве.

К камню из леса вышли те же люди, которые осматривали его совсем недавно. За ними следовал воин со знаками отличия на браслете в виде головы барсука в, выглядывающей из— под серого плаща, кольчуге. К его поясу с двух сторон были пристегнуты огромные палицы, усыпанные шипами. К спине крепился на ремнях круглый небольшой, в размер вытянутой руки воина, щит с тем же изображением, раскрашенный поочерёдно в чёрные и белые полосы, начинающиеся в центре и идущие к краям щита.

Процессия добралась до валуна, на который предварительно указал командир отряда из четырёх человек. Воин внимательно осмотрел камень и кивнул головой, выказывая удовлетворённость увиденным.

– Ты был прав, – произнёс он при всех. – Я подтверждаю твои слова. Более в них никто не усомнится. Я вижу то, что ты рассказал.

Воин оторвал снизу от своей кольчуги кольцо металла и подал его командиру отряда. Остальные следопыты одобрительно покачали головами.

– Это подтвердит любому мои слова, сказанные здесь, – пояснил воин, после чего развернулся и отправился в обратном направлении.

После того, как все, присутствовавшие до этого у валуна, люди удалились, тёмный туман, рассеявшись, снова вернулся в фигуру, из которой возникал. Силуэт растаял в воздухе.

Арвинг с Лидией осторожно прокладывали свой путь по лесу к реке, чтобы перебраться на противоположный берег. Стараясь, чтобы их не заметили в пути, усиленные после последних событий, патрули, люди ступали очень аккуратно, не производя никакого шума, не выдавая своего присутствия. Выйдя к берегу, Арвинг осматривался по сторонам, он пытался определить – когда здесь прошёл последний патруль. Он заметил тёмный силуэт недалеко от этого места.

– Ты тоже его видишь? – спросил он шёпотом у спутницы, жестом указывая направление. – Он спас нас от преследователей.

– Кого? – так же шёпотом спросила Лидия, недоумевающая после того, как обратила взор в указанном направлении. – Там никого нет...

– То есть как это нет? Я его отчётливо вижу – тёмная фигура прячется за небольшими кустами, – ещё раз указывая направление, прошептал он.

Они переглянулись, после чего Арвинг сделал приглашающий жест силуэту. Тот приблизился, не скрываясь, так как его видел только пригласивший. Силуэт остановился возле дерева, в корнях которого укрывались от посторонних взглядов мужчина и женщина.

– Ты... Видеть... Я?... – прошипел силуэт. – Невозможность...

– Да, я вижу тебя, – прошептал Арвинг, обращаясь к нему. – Пожалуйста, покажись Лидии, она не понимает с кем я разговариваю. Как мне к тебе обращаться?

Силуэт проявился на доли секунды в воздухе и опять растаял, глаза Лидии удивленно расширились, она ждала объяснений.

– Тень...

– Он спас нас от преследователей, окружив тёмным туманом шалаш, пока ты не пришла в себя. Сейчас почему—то сопровождает нас. Просит называть его «Тень», – затем, обращаясь к Тени, спросил: – Почему я вижу тебя, а другие нет?

– Объяснение... Нет... – прошипел голос уже одновременно в голове у Лидии и Арвинга. – Ранение... Коготь... Зверь... Призрак... Клинок... Ты?..

– Да, я был когда—то ранен призрачным оружием, ещё Глен разорвал мне когтями ногу, но какое это имеет отношение к тому, что я вижу тебя?

– Ранение... Призрак... Клинок... Печать... Коготь... Зверь... Печать... Договор... Тень... Цепь... Событие... – словно размышляя, вновь шипел голос. – Лорд... Знать... Нет... Хорошо...

– Последнее я не поняла, но сначала он говорил о том, что после ранения призрачным оружием и когтем обращенного в народ Электора ты принял решение обратиться сам, – поясняла Лидия, видя недоумение на лице Арвинга. – Такого действительно раньше не было. По крайней мере, я не припомню, чтобы кто—нибудь даже просто после схваток с призрачным народом заключал договор с тенями. Не говоря уже о тех, кто был ранен. На тебе была печать теней после ранений до перерождения, поэтому после заключения договора у тебя появилась способность их видеть.

– Меня это как—то совершенно не радует, – ответил Арвинг. – Может, есть какой—нибудь способ избавиться от этого?

– Знать... Нет... – прошипел голос. – Плыть... Я... Укрыть... Сумрак...

Всё тот же тёмный туман окутал фигуры лежащих людей. Они поднялись и пошли к воде.

– Идти... Вода... Тихо... Брызги... Нет...

Лидия научилась понимать, шепчущий в её голове, голос и остановила, собиравшегося прыгнуть с обрыва в реку, спутника. Они прошли вдоль реки, пока не нашли пологий спуск. Проходящий мимо патруль не обратил на них никакого внимания, хотя они прошли в нескольких метрах. Патруль не видел ничего, кроме тропинки, по которой он передвигался, всё вокруг ничем не выдавало присутствия Арвинга и Лидии. Аккуратно, не поднимая брызг, они вошли в воду и поплыли по направлению к противоположному берегу.

– Тень, как ты относишься к мальчику, рождённому от запретного союза? – спросила Лидия. – Мы не хотим, чтобы ему был причинён вред. Если ты собираешься его убить, нам с тобой не по пути.

– Он... Нет... Нужно... Я... – прошипел голос, – Я... Следить... Люди... Нарушать... Договор... Семь... Тени... Тут... Доставлять... Души... Озеро... – голос ненадолго замолчал, – Я... Быть... Лишний... Восемь... Изгнание... Сумрак... Я... Развить... Сумрак... Тело...

– Изгнанник? Не буду спрашивать за что. То, что мальчик тебе не нужен, я поняла. Почему ты помогаешь нам? Я не припомню, чтобы тени вмешивались в жизнь людей, – Лидия хотела знать всё, она опасалась за судьбу мальчика.

– Он... Один... Я... Чувствовать... Я... Устать... Я... Против... Лорд... Я... Мечь... Растворение... Покой...

– Мы не забудем то, что ты для нас делаешь, если станет возможным как—нибудь тебе помочь, мы сделаем всё, что потребуется. Не показывайся среди наших соплеменников, Арвинг не выдаст, что видит тебя. Это пока должно быть тайной для всех.

Лидия и Арвинг сравнительно быстро, оставаясь незамеченными, пересекли реку под покровом сумрака, распространяемого тенью по поверхности воды, где они плыли. Они вышли на берег на другой стороне реки, сумрак растаял, силуэт растворился в воздухе. Арвинг видел, как он появился в лесу и скрылся среди деревьев, проходя сквозь них.

– Никогда ещё не наблюдала столь странного существа. Я уже знаю кто проведёт Яниса к ритуальному залу. И ты мне в этом поможешь, – Лидия улыбнулась в ответ на утвердительный жест Арвинга.

– Янис... Душа... Выдержать... Сумрак... Нет... Ритуал...

– Тень, ты рядом? Арвинг, ты видишь его? – поинтересовалась Лидия.

– Тень... Далеко... Слышать... Всё... Сумрак...

– Как ты уже поняла – этого не произойдёт. – Арвинг, не скрывая разочарования, только развёл руками, – Но я обещаю, что буду драться за этого мальчика до конца.

Люди, взявшись за руки, зашли в лес, направляясь туда, куда указывала Лидия. Она знала где будет находиться Янис после прибытия на земли призрачного народа до времени проведения ритуала. В том месте должны были уже вестись приготовления к ритуалу. Точнее, для создания условий проведения ритуала. Арвинг следовал за ней, обратившись в волка с чёрной, как смоль, шерстью. К слову, путь им предстоял недолгий, через несколько часов они прибыли на место, не встретив никого, так как шли через лес, огибая населённые пункты.

Глава 6. Лагерь

Увлекаемые двумя воинами, Янис с Эльзой направились вглубь леса. Они шли молча, изредка встречаясь взглядами. Оба грустили из—за расставания с родителями, считая их такими до сих пор, пока ещё не привыкшие к изменившейся реальности. Дорога в лесу петляла, обходя вековые деревья. Жители, встречавшихся по пути поселений, радушно приветствовали путников, предварительно опускаясь на колени перед ними в почтении. Жилища призрачного народа полностью соответствовали виду деревень народа природы за одним небольшим исключением: резные рисунки на стенах изображали людей Электора в бою и на охоте. Приветствие призрачного народа не нравилось Янису, он был скромен и не готов принимать такие знаки внимания. Поначалу он подбегал к людям, склоняющим при его приближении головы, пытаясь поднять их на ноги, но потом отбросил эту затею, не приносящую никаких результатов. Каждый следующий населённый пункт непременно повторял процедуру приветствия. Янис только вздыхал, понимая своё бессилие изменить существующий порядок вещей. Воины, не обращая внимания на происходящее, спокойно шли следом, не проронив ни слова, только указывая направление, по которому следовало идти детям. Спустя три часа пути дорога привела процессию к деревянному частоколу с огромными распашными воротами, за которыми – справа и слева от входа – располагались две вышки, где, всматриваясь в окружающий лес, находились две призрачных лучницы в шлемах в виде верхней части головы куницы с чёрной шерстью, переливавшейся в лучах заходящего солнца. Ворота немедленно распахнулись, отворяемые двумя огромными медведями гризли, и путники вошли в лагерь.

Он был обширен, более чем. У противоположной входу стороны, метрах в четырёхстах, в правильном порядке в несколько рядов располагались палатки, диаметром до четырёх метров, у которых наблюдалось постоянное оживлённое движение. Люди Электора то входили внутрь, то выходили из палаток, выполняя, одним им известные, распоряжения. По всему периметру лагеря, с внутренней стороны частокола, высотой примерно в пять метров, были установлены двенадцать вышек, две из которых путники наблюдали у входа. На каждой из них находился лучник, осматривающий лес в поисках опасности. Справа от входа, посередине, отступая приблизительно два метра от стены, располагался огромный шатёр, судя по всему, в нём находился руководитель лагеря. У входа в шатёр неподвижно замерли два воина, сильно похожие на тех, что сопровождали детей. Слева, напротив шатра, всё свободное место занимала тренировочная площадка, на которой упражнялось до тридцати воинов. Они сражались на деревянных мечах, пускали в ход такие же безопасные копья и палицы, использовали щиты и другое оружие ближнего боя. Были здесь и стрелки: лучники и арбалетчики, выпускавшие заряды в мешки с соломой, подвешенные на специальных столбах. Сразу справа от ворот располагалась своеобразная кухня, где над кострами кипела вода в котлах, на вертелах жарилось мясо животных. Между кухней и шатром располагалась кузня. В центре лагеря было свободное место, предназначенное, видимо, для построений людей. В настоящее время от центра по направлению к воротам отправлялся отряд «скорпионов», состоящий из шести воинов во главе с седьмым – их командиром. При приближении к детям воины остановились, повинувшись поднятой вверх руке командира отряда, затем вслед за ним опустились на колени и склонили головы. Увидев это, всё население лагеря повторило их жест, на это время жизнь как будто замерла, над лагерем повисла мёртвая тишина, нарушаемая только звуками животного мира, приносимыми ветром из—за частокола.

Тишину разорвал громкий голос Яниса, державшего за руку сестру.

– Поднимитесь с колен! – прокричал он, проходя на середину лагеря вместе с сестрой. – Прошу Вас, встаньте! Никогда более так не поступайте! Мне не нужно никакого поклонения!

Более того, я благодарен народу Электора за наше спасение! Если вы верите в пророчество – я сделаю всё, что будет необходимо! Мы с сестрой сильно Вам всем обязаны!

Обитатели лагеря поднялись с колен, из шатра вышел огромный воин – скорпион и одобрительно кивнул головой. Движение в лагере возобновилось, воин склонил голову и жестом пригласил Яниса и Эльзу зайти в шатёр, что они и сделали.

Марвел расположился на троне. Голова его была опущена на, сжатую в кулак, кисть правой руки, опирающуюся на правый подлокотник кресла. Это были редкие минуты, когда усталость брала верх над могучим мужчиной. Его зрачки под опущенными веками двигались. Марвелу снился сон. Звук приближающихся шагов вырвал его из этого состояния. По лестнице в тронный зал вбегал командир отряда следопытов со знаком оленя на браслете, по всему было видно, что он торопился. Поднимаясь по ступеням, следопыт обогнул парапет слева и встал возле него напротив трона, почтительно склонив голову.

– Говори! – повелительно произнес Марвел.

– Мой король! – начал доклад следопыт. – Спешу сообщить Вам, что мальчишке с сестрой удалось перебраться на земли народа Электора. Арвинг исчез, но он пришёл на берег реки, когда беглец уже переправился. Это было видно по следам, к тому же он был ранен, как и женщина, лежавшая до этого на берегу, после схватки с Лонгом – он мёртв, его сердце пронзил призрачный нож. Тело женщины исчезло вместе с Арвингом, он унёс её на руках в лес.

– И что же? Где он сейчас? Почему не стоит передо мной? – постоянно повышая голос, спрашивал Марвел. Приступ гнева снова накрывал самопровозглашённого короля, о чём свидетельствовал лихорадочный румянец, проступавший на его щеках, помимо этого он, поднимаясь, ударил кулаком правой руки по подлокотнику трона. Король направился к следопыту.

– Дальше вообще всё непонятно, – по лицу говорившего было ясно, что он сам находится в недоумении, при этом его голова была слегка склонена в почтении, он смотрел в пол, не осмеливаясь поднять взор на короля, – следы Арвинга привели нас к валуну, возле которого они пропали! В доказательство своих слов я предъявляю кольцо с кольчуги воина – барсука.

– Подойди, – Марвел остановился, принимая знак из рук воина. Затем осмотрел предъявляемое кольцо с гравировкой, – Похоже, ты говоришь правду. Ступай, – он повелительным жестом приказал удалиться, – Скажи охране, что я созываю совет.

Следопыт, поклонившись, удалился. Он так же быстро спустился вниз по лестнице из тронного зала, как и вошёл.

– Похоже, следопыт не врёт, – вслух рассуждал Марвел, расхаживая по привычке из стороны в сторону и сложив за спиной руки. – Да и зачем ему это? Значит мальчишка за рекой... Даже лучше, что это так, по крайней мере, ему будет сложнее переправиться обратно и пройти ритуал. Но куда подевался Арвинг... Действительно, ситуация не из приятных. Женщина... Зачем ему женщина, если он всю жизнь с юных лет любит только одну, которая давно покинула этот мир. Ничего не понимаю...

В тронный зал начали прибывать члены совета, назначаемые и снимаемые с должностей одним словом короля. Совет представляли четыре воина, пятое место – Арвинга, было свободно. Слева направо располагались: уже в годах, носивший аккуратно постриженную рыжую бороду и усы, воин со знаком лисы, укутанный в красный плащ, вооружённый арбалетом и кинжалом. Его так и звали – Лис, так как настоящего его имени уже никто толком и не помнил. Следом за ним с прямоугольным, чуть меньше, чем человеческий рост, щитом красного цвета, пристёгнутым к спине, и копьём в руках стояла золотоволосая воительница лет тридцати пяти, носившая знак рыси – Агнесса. Справа от неё возвышался могучий светловолосый воин, на вид ему было не более тридцати лет, полностью закованный в стальной латный доспех, превосходящий в размерах самого Марвела с двуручным мечом за спиной и знаком носорога – Доржен. Затем пустовало место Арвинга. Завершал строй сравнительно молодой, лет двадцати

пяти, воин невысокого роста, носивший знак кабана – Праред. Выстроившись в ряд, присутствующие приветствовали короля поклоном головы, дожидаясь оглашения причин внезапного созыва совета.

– До нас дошли не очень утешительные вести, – начал тот, всё ещё расхаживая по тронному залу. – Щенку удалось скрыться в землях призрачного народа. Помимо этого мы потеряли шесть волков убитыми. Это не так страшно. Больше всего меня беспокоит в этой ситуации то, что пропал член совета, отправившийся в погоню за щенком. Мало того, он унёс в лес призрачную женщину, что вообще не укладывается в рамки разумного. Кто что хочет сказать по этому поводу?

– Я полагаю, Арвинга искать бесполезно, – сказал Лис, – Искать опытного охотника в лесу бессмысленно, рано или поздно мы всё равно узнаем что с ним произошло и зачем ему эта женщина. Сейчас нужно сосредоточиться на выяснении обстоятельств, которые будут способствовать атаке призрачного народа на наши позиции. Мальчишка у них и, несомненно, они рано или поздно пойдут на прорыв к древу жизни. Мы должны их встретить.

– Ты прав, Лис, – соглашалась с ним Агнесса, – Я усилю патрули у реки. Мы должны быть готовы к нападению в любом месте. Однако что—то мне подсказывает, что атаковать они будут на повороте реки – там, где песчаная отмель достаточно широка для боя. В противном случае мы просто перебьём их с обрывов при попытке пересечь реку в другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.